

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

13.3

3 номера в год на многих языках мира

Социология говорит с
Ритой Сегато

Брено Брингель
Витория Гонзалес

В фокусе - МСА

Маргарет Арчер
Мишель Вевьорка
Майкл Буравой
Маргарет Абрахам
Сари Харанафи
Джеффри Плейерс
Мартин Олбоу

Мир, согласно
критической теории
(и наоборот)

Стефан Лессених
Гурминдер К. Бхамбра
Мануэла Боаткэ
Патрисиа Чиполитти Родригез
Бруна де ла Торре де К. Лима
Эстебан Торрес

Декарбонизация и
зеленый колониализм

Брено Брингель
Маристелла Свампа
Хамза Хамушен
Нниммо Басси
Манифест Южных Народов

Теоретические подходы

Катя Араухо

Открытый раздел

- > Политика страха и авторитарное политическое воображение
- > Борьба за воду как сопротивление неолиберальному капитализму

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 13 / ВЫПУСК 3 / ДЕКАБРЬ 2023
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакции

Этот выпуск открывается интервью с известной феминисткой исследовательницей и активисткой Ритой Сегато. Мы обсуждаем ее вклад в проблематику гендера, насилия, колониальности, а также возможности развития глобальных диалогов и диалога между странами Юга по этой проблематике. Сегато делится своими взглядами на современную проблематику авторитарного отката и интернационализации феминистского движения.

Ряд материалов этого номера посвящено МСА. После сорокалетнего служения нашей профессиональной ассоциации ее исполнительный секретарь, Изабела Барлинска, выходит на пенсию. Пять прежних президентов (Маргарет Арчер, Мишель Вевьорка, Майкл Буравой, Маргарет Абрахам и Сари Ханафи) и нынешний президент, Джеффри Плейерс, избранный недавно в Мельбурне, воздают должное ее интенсивной работе в МСА. Мы также публикуем инаугурационную речь Плейерса на XX Конгрессе социологии. С глубокой печалью мы вместе с Мартином Олбруу вспоминаем Маргарет Арчер, которая недавно ушла из жизни.

Этот институциональный раздел предваряет два симпозиума. Первый, озаглавленный «Мир в соответствии с критической теорией (и наоборот)», подготовленный Стефаном Лессенихом и Эстебаном Торресом, подводит итоги современному развитию критической теории в свете столетия со дня основания Института Социальных Исследований (Institut für Sozialforschung, IfS) во Франкфурте. В шести статьях этой рубрики критическая теория рассматривается с разных точек зрения: в ее отношении к глобальной социологии (Стефан Лессених), в постколониальной (Гурминдер К. Бхамбра) и деколониальной (Патриция Чиполитти Родригез) перспективах, с учетом глобализации периферийного опыта (Мануэла Боаткэ (Manuela Boatsä), культурного производства (Бруна де ла Торре де Карвальо Лима) и в контексте призыва к развитию новых критических теорий всемирного общества (Эстебан Торрес).

Раздел «Декарбонизация и зеленый колониализм» посвящен влиянию гегемонных экологических переходов на Глобальный Юг. Брингель и Свампа считают, что мы

присутствуем при формировании нового капиталистического консенсуса по вопросам климата и окружающей среды, который они называют «консенсусом декарбонизации». Далее активисты Хамза Хамушен (Hamza Hamouchène) и Нниммо Басси (Nnimmo Bassey) с точки зрения североафриканской и panaфриканской позиций анализируют характеристики зеленого колониализма, порожденного энергетическим транзитом Глобального Юга. И, в завершении, мы публикуем Манифест Народов Юга в защиту справедливого народного экоциального перехода, написанный активистами, интеллектуалами и организациями Африки, Латинской Америки и Азии.

В разделе «Теоретические подходы» чилийская исследовательница Катя Араухо призывает к переосмыслению теории власти (и авторитаризма). Она представляет обзор классических моделей власти и показывает, что современные социальные трансформации приводят к их устареванию; она предлагает несколько вариантов переопределения власти-авторитета на основании интерактивного и реляционного подходов.

В первой статье «Открытого раздела» Лара Сарторио, опираясь на рассуждения Араухо, показывает, как политика страха фреймирует субъектности и выковывает авторитарное политическое воображение. Далее Маделен Мур представляет основные идеи своей книги *Water struggles as resistance to neoliberal capitalism* [Борьба за воду как сопротивление неолиберальному капитализму], творчески сочетая теорию социального воспроизводства и политику в отношении водных ресурсов.

Подходит к концу первый год работы новой издательской команды «Глобального Диалога», и мы полны надежды на построение мостов между разными аудиториями, культурами, местами и интеллектуальными традициями. Нас ждут новые перспективы в этом отношении. Мы надеемся, что вам понравится этот номер журнала и вы можете его распространению на вашем родном языке. ■

Брено Брингель, редактор «Глобального Диалога»

> Глобальный Диалог публикуется на нескольких языках на своем сайте.

> Статьи для публикации посылайте на адрес: globaldialogue.isa@gmail.com.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редактор: Брено Брингель.

Помощники редактора: Витория Гонзалез, Каролина Вестена.

Ассоциированный редактор: Кристофер Эванс.

Управляющие редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультанты: Майкл Буравой, Бригитт Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Консультирующие редакторы:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиса Мартин, Савако Сирахасе, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Жу Джей Чен, Ян Фритц, Коичи Хасегава, Хироши Ишида, Грейс Уноу, Эллисон Локонто, Сьюзан МакДэниел, Элина Ойнас, Лаура Осо Касас, Бандана Пуркайястха, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Ливан) Сари Ханафи, (Тунис) Фатима Радуани.

Аргентина: Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Данте Марчиссио.

Бангладеш: Хабибуль Хондкер, Хайруль Чоудхури, Биджой Кришна Баник, Абдур Рашид, Саркер Сохель Рана, Мд. Шахидуль Ислам, Хелаль Уддин, Ясмин Султана, Салех Аль Мамун, Экрамул Кабир Рана, Фархин Актер Бхуян, Хадиза Хатун, Айша Сиддик Хумайра, Арифур Рахаман, Истиак Нур Мухит, Мд. Шахин Актар, Сурайя Ахтер, Аламгир Кабир, Таслима Насрин.

Бразилия: Фабрисо Масиэл, Андреса Галли, Жозе Гирадо Нето, Жессика Маззини Мендес, Рикардо Нобрега.

Индия: Рашми Джайн, Маниш Ядав, Ракеш Рана.

Иран: Рейханех Джавади, Ниаеш Долати, Эльхам Шустаризаде.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспаева, Куаныш Тел, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул, Мадияр Алдияров.

Польша: Александра Бьернацка, Анна Тернер, Джоанна Беднарек, Марта Блашиньска, Уршула Ярецка.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Джордже Бонеа, Марина Дафта, Костин-Лучиан Георге, Алин Ионеску, Карина Луду, Диана Мога, Рамона-Кэтэлина Нэстасе, Бьянка Пинцойу-Михэилэ.

Россия: Елена Здравомыслова, Дарья Холодова.

Тайвань: Ван-Жу Ли, Тао-Юнг Лу, Йи-Шуо Хуанг, Чиен-Инг Чиен, Марк И-Вэй Лай, Юн-Жоу Лин, Юн-Хсуан Чоу.

Турция: Гюль Чорбаджиоглу, Ирмак Эврен.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Рита Сегато, аргентинская писательница, антрополог, феминистская активистка, обсуждает вопросы колониальности и ключевые обстоятельства, способствующие развитию диалогических отношений с Глобальным Югом.

Столетний юбилей Института Социальных Исследований, а значит и Франкфуртской Школы – отличный повод осмысления **критической теории** в исторической перспективе и в свете сегодняшнего дня. .

Социально-экологический переход, ставший центральным вопросом политической и экономической повестки, не должен сводиться с ни к энергетическому переходу, ни усиливать неравенства между Глобальным Севером и Глобальным Югом.

Фото на обложке: iStock, 2021

Глобальный Диалог выходит благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> В этом выпуске

От редакции 2

> СОЦИОЛОГИЯ ГОВОРИТ

За пределами миноритизации и колониальности:
интервью с Ритой Сегато

Брено Брингель (Бразилия/Испания) и Витория Гонзалес (Бразилия) 5

> В ФОКУСЕ - МСА

Слова благодарности Изабеле Барлинской: 40 лет
служения МСА

Маргарет Арчер (ВБ), Мишель Вевьорка (Франция), Майкл Буравой и Маргарет Абрахам (США), Сари Ханафи (Ливан) и Джеффри Плейерс (Бельгия) 8

Глобальная социология: четыре трансформации
Джеффри Плейерс (Бельгия) 12

Памяти Маргарет Арчер (1943-2023)
Мартин Олброу (ВБ) 15

> МИР, СОГЛАСНО КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ (И НАОБОРОТ)

Критическая Теория и Глобальная Социология:
сестры по оружию?

Стефан Лессених (Германия) 16

Хлопковый капитализм: постколониальные
размышления о капитализме
Гурминдер К. Бхамбра (ВБ) 18

Периферия пишет ответ:
колониальный опыт в мировом масштабе
Мануэла Боаткэ (Германия) 20

Тотальность и экстериторность:
категории деколониальной критической теории
Патрисия Чиполитти Родригес (США) 22

Индустрия культуры: Повестка (политических)
исследований в Критической Теории

Бруна Делма Торре де Карвальо Лима (Германия/Бразилия) 24

О критической теории всемирного общества
Эстебан Торрес (Аргентина) 26

> ДЕКАРБОНИЗАЦИЯ И ЗЕЛЕНый КОЛОНИАЛИЗМ

Консенсус по декарбонизации

Брено Брингель (Бразилия/ Испания) и Маристелла Свампа (Аргентина) 28

Энергетический переход в Северной Африке:
колониализм, лишение собственности и экспроприация
Хамза Хамушен (ВБ/Алжир) 32

Зеленый и внутренний колониализм в Африке
Нниммо Басси (Нигерия) 35

Манифест народов Юга: в защиту экосоциального
энергетического перехода
Коллектив авторов 38

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Необходимость обновления теории власти
(и авторитаризма)

Катя Араухо (Чили) 41

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Политика страха и авторитарное политическое воображение
Лара Сарторио Гонсалвес (Бразилия) 44

Борьба за воду как сопротивление неолиберальному
капитализму
Маделин Мур (Германия) 47

“Глобальная социология не может оставаться укорененной в западных университетах и западных канонах, которые представляют себя универсальными, она также не может ограничиваться критикой западной социологии”

Джеффри Плейерс

> За пределами миноритизации и колониальности: интервью с Ритой Сегато

Источник: Beto Monteiro / Secom UnB.

Рита Сегато, известная аргентинская писательница, антрополог и феминистская активистка. Она является Emeritus Professor Университета Бразилии и в последние годы получила почти 12 степеней *honoris causa* европейских и латиноамериканских университетов. Среди ее многочисленных наград Премия имени Франца Фанона Карибской Философской Ассоциации (2021), звание заслуженного деятеля культуры Городского Совета Буэнос-Айреса (2019). Она также является руководителем кафедры «Unsettling Thought» [беспокойной мысли] в Национальном Университете Св. Мартина и председателем общества Анибаля Кихано при мадридском музее Рейна София. Она не только внесла существенный вклад в инновационные исследования такой разнообразной тематики, как

раса, этничность, нация, религия, гендер, насилие и колониальность, но также существенно повлияла на дискурс о правах человека. Так, например, она является соавтором первого аффирмативного законопроекта, гарантирующего доступ черных и аборигенных студентов к высшему образованию в Бразилии (1999). В течение своей карьеры она активно сотрудничала с различными женскими организациями Латинской Америки и на ее работы активно ссылаются представители феминистского движения. Недавно на английском языке была опубликована ее книга [The Critique of Coloniality](#) [Критика колониальности] (Routledge, 2022). В сентябре 2023 года редакторы ГД **Брено Брингель** и **Витория Гонзалез** взяли интервью у Риты Сегато специально для нашего журнала.

Брено Брингель и Витория Гонзалес (ББ&ВГ): *Ваша работа и профессиональные достижения получили признание во всем мире. Однако, возможно, наши читатели из других частей света – в Африке, Азии, на Ближнем Востоке и даже в некоторых регионах Европы – все еще мало знают о Вашей работе. Как Вы думаете, насколько выводы ваших исследований, сфокусированных в основном на Латинской Америке, могут быть релевантны для других контекстов? Как они могут способствовать развитию глобального диалога с учетом перспективы Глобального Юга?*

Рита Сегато (РС): К сожалению, основным хабом циркуляции идей по-прежнему являются США. Фильтры, определяющие что достойно распространения, а что – нет, проходят через США, и именно к этим фильтрам обращается большинство научных сообществ, чтобы понять, что нужно читать, что поддерживается скринингом Глобального Севера. Именно оттуда идет валидация, и именно она является одной из функций империи. С другой стороны, мы слышим много разговоров о циркуляции идей в универсуме Глобального Юга. Извините, но я не верю в это самоограничение. Мне более близки идеи замечательного перуанского мыслителя Анибала Кихано, который утверждает, что, хотя он родом с Юга, но он думает не о Юге и не для Юга, а рассуждает о мире как таковом. Сохраняющаяся колониальная структура мира является планетарной проблемой, и необходимость ее осмысления и разрушения также имеет глобальный смысл.

Мне хотелось бы видеть больше африканских, карибских, азиатских и ближневосточных авторов, изучающих проблемы современности. Виртуальность открыла такие возможности, которые используются не полностью, и, конечно, виртуальная коммуникация сильно отличается от соприсутствия и очного общения. Но даже когда мы размышляем о диалоге с авторами, живущими в бывших колониях, мы всегда должны оставаться верными идее о том, что мы думаем и пишем о мире в целом. Такой способ осмысления представлен в моей критике миноритизации, критике того места, которое мультикультурализм предоставляет «другим» онтологически целостным субъектам – женщинам, индейцам, черным, сексуальным диссидентам и др.

Я полагаю, что это позиционирование политического меньшинства, которое говорит за себя, о себе и для себя должно быть разрушено. Так, например, если положение женщин улучшится, если патриархат будет разрушен и распадется, то это приведет к дестабилизации всех башен власти, и наши антагонисты понимают это очень хорошо. Они осознают опасность, которую мы представляем, и потому отправляют на улицу своих послушных сторонников, повторяющих, к примеру, что «гендер» - это «идеология», а не аналитическая категория, помогающая объяснить разнообразие культурных конструкций мужественности и женственности. Эти массы, повторяющие лозунги, смысла которых они не понимают, являются очевидным доказательством того, насколько недооцененные «меньшинства» затрагивают мировую структуру и угрожают ей.

ББ&ВГ: *Если бы мы могли перевести на все языки Глобального Диалога одну из ваших работ, чтобы она получила международное распространение, которую из них Вы бы выбрали и почему?*

РС: Это сложный вопрос. Автор никогда не знает. На него трудно ответить, потому что некоторые написанные мной тексты посвящены патриархатному угнетению, другие - расовому угнетению и различиям между «политическим» и «политикой» (в них я критикую захват политического, осуществленный государством). Многие очерки сейчас доступны в форме интервью и даже в видеозаписях. В настоящее время я все больше говорю и все меньше пишу, что связано с возрастом и необходимостью добиться понимания.

Но в моей книге *Cenas de um pensamento incômodo* [Сцены неудобной мысли], опубликованной в 2022 году на португальском, а 2023 на испанском языках, есть два малоизвестных текста: “Refundar o feminismo para refundar a política” (Переизобретение феминизма как переизобретение политики) и “Nenhum patriarcado fará a revolução: reflexões sobre as relações entre capitalismo e patriarcado” [Ни один босс-патриарх не совершит революцию: размышления об отношениях между капитализмом и патриархатом]. Краткое предисловие к моей последней книге *Expuesta a la muerte* [Обреченная на смерть], опубликованной в Чили на испанском языке, называется *Encomio de la incertidumbre* [Хвала неопределенности]. Оно наиболее точно выражает мои мысли.

Еще одна книга *Las estructuras elementales de la violencia* [Элементарные структуры насилия] положила начало всему дальнейшему развитию моих размышлений. Она не была переведена на английский, немецкий, французский, португальский и даже греческий языки, в отличие от других моих текстов. В этой работе в ключевой главе “La estructura de género y el mandato de violación” [Гендерная структура и мандат на изнасилование] сформулирована платформа всех моих дальнейших рассуждений.

Несколько глав книги *La Nación y sus Otros* [Нация и ее другие] посвящены критике мультикультурализма, о которой я упоминала выше. Особенно важна в этом отношении глава “Identidades Políticas / Alteridades Históricas: una crítica a las certezas del pluralismo global” [Политические идентичности / исторические другие: критика определенности глобального плюрализма]. В этой работе я также предвосхищаю критику «политики», которая стала централизованной, внутренней, эндогамной и территориальной в том смысле, что она замкнута в собственной сети причастности.

ББ&ВГ: *В своих трудах Вы представляете множество подходов к изучению отношений между гендером и колониализмом. Как сегодня можно подойти к осмыслению исторического механизма, который усиливает расизм, колониализм и гендерное насилие в контексте глобального подъема крайне правых?*

РС: С одной стороны, необходимо осмысливать связи между расизмом, патриархатом и колониальным угнетением. Это одна линия рассуждений. С другой стороны, нужно ставить вопрос о формациях современного фашизма. Если и существует некая стратегия, метод и структура, которая позволяет идентифицировать фашистские идеологии, то в их основании всегда лежит конструирование некоего «другого» как врага. Фашизму необходим враг, священная жертва и козел отпущения для того, чтобы власть и ее союзники могли

достичь сплоченности. Таким образом, фашизм построен на создании «другого». Расово определенные народы, женщины и сексуальные диссиденты являются легкой добычей для исполнения роли такого «другого». Наследие устойчивой структуры колониальной власти делает возможным говорить о «врагах всего общества». Отсюда остается небольшой шаг, поскольку это наследие включает конструирование этого другого как угрозы. Демонизация расиализированных женщин и сексуальных диссидентов - совсем простое дело; эти категории уже находятся под подозрением в связи с колониальной структурой миропорядка.

ББ&ВГ: *В течение нескольких лет мы считали, что страны, которые испытали на себе процессы пересмотра исторической памяти и борьбу за права человека, страны, подобные Аргентине, в большей степени защищены от авторитарного отката. Однако сегодня и в Аргентине мы наблюдаем подъем ревизионизма и волну отрицания. Как вы оцениваете этот процесс?*

РС: Мы должны иметь в виду по крайней мере два аспекта аргентинской политической жизни. Во-первых, это экстерриториальность государственного управления в отношении объектов администрирования - территорий и человеческих жизней; эта экстерриториальность стала принципом управления с самого основания наших государств (я называю этот принцип «ошибкой основания, которая приводит к перманентной колониальности управления»). Во-вторых, дистанция между «политикой» (действия и решения, определяемые государственной структурой, политическими партиями, организованными социальными движениями с их различными фракциями и интересами, эндогамное действие) и «политическим» (которое циркулирует в обществе) пронизывает социальные отношения и эффективно управляет историей.

В Аргентине голосование за правых можно интерпретировать как требования перезапуска политики по инициативе тех секторов общества, которые требуют более справедливого распределения, ведущей роли в истории и которые считают, что современная политика сводится к действиям, совершаемым в лабиринте партий, и игнорирует пространства жизни людей; такая политика считает людей стадом, которое нуждается в поводырях. Эта нехватка (или экспроприация) агентности порождает resentment, особенно среди молодых людей. Дополнением к этому является убежденность в том, что «ты не существуешь, не живешь полной жизнью, если твоя жизнь не освещена медийным светом». Невыполненные обещания демократии и модерности приводят к аккумуляции недовольства.

Демократия никогда не переставала быть проектом. Модерность – равенство возможностей, братство, свобода – также всегда были составной частью демократического проекта. Аккумуляция resentment и разочарование используется антидемократическими политическими силами. Даже те права, которые были завоеваны благодаря осуждению и привлечению к суду тех, кто отвечает за аргентинский геноцид, кажутся теперь чем-то далеким. Теперь эти права стали делом государства, в управлении и конфигурации которого большинство не принимает участия и с которым оно себя не отождествляет.

ББ&ВГ: *Можно ли говорить сегодня о существовании феминистского интернационала?*

РС: Идея «интернационала» несомненно является интересной, потому что она указывает на такой феминизм, который пересекает границы, который объединяет и способствует коммуникации с помощью общих идей и программ. Однако эта идея порождает те же риски, что и дистанция между «народом» и «политикой», о которой я говорила выше. Под этой эгидой могут проводиться саммиты «экспертов» и формулироваться ортодоксальные позиции, которые наносят ущерб движению. Феминистское движение или будет плюралистичным или перестанет существовать вовсе. Оно будет выступать за мир без гегемонии или оно не будет существовать вовсе. Вертикальная структура европоцентричного феминизма привела к тому, что части движения в Африке предпочитают говорить о «вуманизме» (о женском движении), а не о феминизме. Речь идет об очень разных историях, специфике гендерных структур, борьбы и целях, которые сформированы этими различиями. Феминистский интернационал сможет получить верное направление, когда мы увидим общие проблемы сквозь призму различий.

ББ&ВГ: *И последний вопрос. Как вы думаете, чему глобальная социология может научиться у коренных народов нашего континента?*

РС: Именно политике, которая не создает дистанции между саммитами правящих элит и их народами, такой политике, которая ориентирована на образ множественного мира, в котором нет места объективации Природы и телесности. «Исторический проект связанности» находится в напряженных отношениях с «историческим проектом мира вещей»; этим проектам соответствует очень разные образы счастья. ■

> Слова благодарности Изабеле Барлинской: 40 лет служения МСА

Бывшие президенты МСА **Маргарет Арчер**, **Мишель Вевьорка**, **Майкл Буравой**, **Маргарет Абрахам**, **Сари Ханафи** и действующий президент МСА, **Джеффри Плейерс**

Речь Изабелы Барлинской на встрече, организованной в ее честь на XX Всемирном Конгрессе Социологов в Мельбурне, 2023

Маргарет Арчер (Президент МСА 1986-1990) *

Более сорока лет назад встреча исполкома МСА проходила в Польше. Именно тогда мы впервые увиделись с Изабелой Барлинской, которая встречала нас, стоя с достоинством под сильным снегопадом. Я думала, что эта аспирантка, племянница Магдалены Соколовской просто поможет нам ориентироваться в местном контексте. Как же я ошибалась! Через неделю после защиты диссертации, посвященной Вирджинии Вулф, начался ее сорокалетний период работы в МСА. Мы немедленно нашли общий язык, в конце концов я тоже училась английской литературе в университете, но в течение нескольких лет я не была уверена в том, что мы поступили правильно, убедив Изабелу покинуть Польшу ради кочевой жизни МСА.

Однако Том Боттомор, который занимал должность исполнительного секретаря МСА перед тем, как стать президентом нашей ассоциации, сразу же по достоинству оценил административные и организационные способности Изабелы, еще в то время, когда секретариат базировался в Брюсселе. Он поддерживал ее на протяжении всей жизни как один из тех редких мужчин в то время, которые не видели противоречий между женственностью и профессиональной компетентностью. Мы обе стали бенефициарами его «просвещения». Брюссельская жизнь МСА продолжалась недолго, и вскоре мы решили перевести секретариат в Испанию (1987). Этот шаг стал проблематичным, поскольку вопрос обеспечения секретариата МСА породил конфликт с новым местным Центром социальных исследований, который

рассчитывал на получение того же помещения в Мадриде. Я помню эти «переговоры» за огромным столом и протесты, которые МСА направляла в Министерство Образования.

Тогда в 1987 году «секретариат» состоял из одной Изабелы, которая только начинала учить испанский язык, и, хотя обладала выдающимся талантом создавать сети, но знала очень мало мадридских коллег и могла полагаться только на свой здравый смысл при выборе помещения для МСА на рынке жилья в Испании. Она проявила поразительную способность к обустройству нашей жизни. Очень быстро для решения проблем с помещением она получила поддержку Профессиональной Ассоциации, создала новую рабочую команду, быстро выучилась свободно говорить по-испански и приобрела квартиру в мансарде в Мадриде, где мы распили бутылку вина, глядя на солнечный закат над городом.

Поскольку исполком МСА каждый год собирался в новом месте, мы с Изабелой путешествовали вместе и глобализировались задолго до того, как возник этот термин. Когда я стала президентом МСА, наше сотрудничество интенсифицировалось, и только тогда я осознала, насколько многообразны и экстенсивны были ее обязанности. Она занималась подготовкой нового журнала (*International Sociol-*

ogy) на испанском языке, который стал третьим официальным языком Ассоциации, справлялась с растущими обязанностями, обусловленными ростом числа исследовательских комитетов, разрабатывала протокол приветствия короля и королевы всемирному конгрессу (1990) – все эти задачи вставали перед ней и без усилий инкорпорировались в ее административную нагрузку.

Позже Изабела вернулась к завершению своей диссертации, которая, на этот раз, была посвящена польскому движению «Солидарность» и была опубликована на испанском и польском языках. Мы никогда не теряли связи. В течение многих лет мы стали проводить недельный отпуск в каком-нибудь приятном месте (часто вместе с Селин Сан-Пьер). Наконец, когда я стала приглашенным профессором Университета Наварры (Памплона), я получила возможность с удовольствием время от времени летать в Мадрид и пару дней проводить с нею – покупая подушки-думки, посещая музеи, выпивая бутылку вина в ее садике на крыше. Изабела обогатила жизнь каждого члена МСА, даже тех, кто никогда не видел ее. Пусть ее возвращение в Польшу будет радостным и плодотворным! ■

* Маргарет Арчер написала эти слова 2 апреля 2023, за месяц до своей кончины (в этом номере Глобального Диалога вы прочтете некролог, посвященный этому печальному событию).

Мишель Вевьорка (президент МСА с 2006 по 2010 гг.)

МСА... ISA. Изабела: да, можно сказать что при Изабеле ИЗА была «Bella». Я активно работал в МСА с 1982 года (Мехико!) и очень плотно работал с Изабелой, когда был президентом. Я могу с уверенностью сказать, что без нее наша ассоциация была бы чем-то совершенно иным.

Она всегда была невероятно эффективна и поразительно доброжелательна. Она полностью осознавала суть нашей интеллектуальной и научной жизни, была ее частью и, вместе с тем, была великолепна в административных вопросах. Она в

самом деле живет глобальной интернациональной жизнью, и при этом остается полячкой - поддерживая лучшее в политической и социальной жизни Польши. Она всегда была тут-как-тут, всегда помогала, но при этом никогда не демонстрировала свою незаменимость. Она знает все, и знает очень многих из нас, но никогда не вмешивается. Позвольте мне добавить одно слово по-французски: Изабела не просто критически значимая личность для жизни МСА. Она сама элегантно, она воплощает то, что называется «la classe», la «grande classe». Я желаю ей всего наилучшего в ее новой жизни! ■

Майкл Буравой (президент МСА с 2010 по 2014 гг.)

Изабела Барлинска посвятила себя развитию МСА и таким образом внесла огромный вклад в международную социологию и в не столь давний проект глобальной социологии. С большой грустью я узнал о смерти Маргарет Арчер, которая также была очень значимым человеком для этого проекта, тесно работала с Изабелой в те решающие годы, когда МСА обустроивалась в Мадриде. Из всех президентов Маргарет знала Изабелу лучше всех. Ее слова об Изабеле, возможно, стали последним текстом, который она написала в жизни.

Маргарет Арчер рассказывает, что в 1977 году, когда Изабела была еще студенткой, ее тетя попросила ее помочь в организации встречи исполкома МСА в Варшаве. Это было

за четыре года до того, как Изабела активно включилась в деятельность движения «Солидарность». Когда в судьбоносный декабрьский день 1981 года в Польше было объявлено военное положение, подпольное руководство «Солидарности» убедило Изабелу принять предложение на работу в офис МСА. Руководители движения полагали, что ее присутствие в Западной Европе станет важным связующим звеном между польской оппозицией и теми, кто был в изгнании. Очевидно, что Изабела не покинула свою страну; она не искала убежища на Западе. Этого не было. Она была лояльной гражданкой Польши и делала все возможное для поддержки демократических сил в стране – история ее жизни особенно соответствует теме последнего конгресса МСА, посвященного авторитарной политике.

Хотя Изабела никогда не бравировала своими знаниями и экспертизой, мы не должны забывать, что она является социологом. Управляя делами МСА, она одновременно писала докторскую диссертацию в Университете Комплуенсе в Мадриде под руководством профессора Виктора Переса-Диаса. Ее исследование посвящено повседневной жизни в условиях польской «Солидарности» в период военного положения. В ситуации изменения отношений оппозиции и партии-государства. Диссертация была опубликована на испанском языке под названием [La sociedad civil en Polonia y Solidaridad](#) [Гражданское общество в Польше и «Солидарность»]. Хотя в то время она не отдавала себе в этом отчет, она показала, как приближается конец советского порядка. Ее работа напоминает нам о том, что борьба с авторитаризмом может быть безуспешной в короткой перспективе. И, тем не менее, она имеет долгосрочные эффекты.

Но я не буду отклоняться от темы – я пишу о Изабеле и ее вкладе в работу МСА. Я разделяю чувства Мишеля Вевьорки и Маргарет Абрахам – она стала основным стержнем МСА. Давайте помнить о том, что, когда она начала сотрудничество с МСА в 1977 году, в ассоциации было только 1000 членов. В 1987 году, когда она стала исполнительным секретарем, организация насчитывала 2000 членов, а накануне пандемии Ковид-19 их было 5000. Число исследовательских комитетов и коллективных членов ассоциации также возросло по экспоненте, как и участие в конгрессах. Она также способствовала институционализации форума МСА, которой проводится раз в два года. В течение этих сорока лет из своего маленького офиса в Университете Комплуенса она направляла глубокую технологическую трансформацию МСА. Она умудрялась управлять этой машиной с помощью временных помощников Начо, Хуана и Лолы. Давайте не забывать о том, что сегодня в Американской Социологической Ассоциации вдвое меньше членов чем в МСА, но эту организацию обслуживает 23

сотрудника, работающих на полной ставке! Скажу еще яснее: финансовое состояние здоровье МСА всегда зависело от энергии, преданности и организационного гения Изабелы Барлинской.

Будучи секретарем исполкома, она с большим успехом управляла переговорным процессом в этой чрезвычайно фракционной организации – мини-США. Ей удавалось это лишь потому, что она всегда воздерживалась от участия в политике МСА. На собраниях исполкома она держит свои мысли про себя, даже при самых сильных провокациях. Ее единственной целью была поддержка механизма работы ассоциации, продвижение важнейших инноваций, таких, как региональные семинары, инициированные Валерстайном, аспирантская лаборатория, запущенная Мартинелли, или журнал *International Sociology*, инициированный Арчер.

Исполком принимает решения, а Изабела претворяет их в жизнь наилучшим возможным образом. И при этом она не чурается никакого труда. Я прекрасно помню, как она работала круглосуточно, чтобы вовремя зарегистрировать всех подавших заявку на участия в конгрессе МСА в Дурбане. Она всегда была на передовой и в окопах на собраниях МСА, поддерживая незаметную работу МСА в промежутке между собраниями. Именно она должна была разрешать множество кризисов, с которыми мы сталкивались независимо от того, касались они изменения места проведения конференции из одной части света в другую, неожиданное закрытие нашего офиса, обсуждение места проведения конгресса или форума и т.п. Она должна была гарантировать, что бюджет МСА составлен правильно и ассоциация не потеряет свои деньги. По сравнению с другими международными организациями в сфере социальных наук, история МСА продолжительна и поучительна – и всем этим мы обязаны Изабеле. Я желаю ей всего наилучшего на ее новом поприще в Польше! ■

Маргарет Абрахам (президент МСА с 2014 по 2018 гг.)

Мне посчастливилось – я знакома с Изабелой уже более тридцати лет. Мне повезло работать с ней бок о бок. Дорогая Изабела, твое поразительное спокойствие в ситуации кризиса, знание многих языков, институциональную память и внимание ко всем сторонам деятельности МСА невозможно переоценить. Я особенно тесно сотрудничала с тобой, когда была вице-президентом и президентом МСА, и я видела собственными глазами, как значима была твоя поддержка для успеха Второго Форума МСА в Буэнос-Айресе и девятого Всемирного Конгресса МСА в Торонто. Без тебя, твоей преданности командной работе,

компетенции, профессионализма и сотрудничества мы не достигли бы тех успехов, к которым мы стремились. Как феминистка я благодарна что во главе секретариата МСА в течение длительного времени была такая замечательная женщина, высоко профессиональный социолог, чье видение и прагматизм гарантировали общее благо глобального социологического сообщества и его организационную жизнеспособность. МСА – выдающаяся ассоциация профессионалов, и я рада, Изабела, что твоя жизнь неразрывно связана с удивительной жизнью нашей ассоциации. Я тебя приветствую, обнимаю и сердечно благодарю! ■

Сари Ханафи (президент МСА с 2018 по 2023 гг.)

После всех этих признаний, у меня просто нет слов! Но все же разница заключается в том, что по сравнению с другими президентами МСА я познакомился с Изабелой на более раннем этапе своей карьеры. Я был еще аспирантом, готовился к защите своей докторской диссертации и стал одним из победителей всемирного конкурса молодых социологов в Билефельде в 1990 г. Меня поразило то, с какой добротой и терпением она отвечала на мои многочисленные вопросы. Некоторые из них были совсем глупыми, поскольку тогда я в первый раз участвовал в такой большой конференции.

С тех пор я общался с ней очень тесно и будучи членом исполкома МСА, и когда я стал вице-президентом по национальным ассоциациям, а затем и президентом МСА. Она всегда помогала мне советом, когда я обращался к ней. Должен признаться, что я не всегда к ним достаточно внимательно прислушивался, но, надо отдать ей должное, она не раздражалась в ответ на это. Я никогда не видел Изабелу рассерженной или гневной. Даже во время жарких дискуссий, и я завидовал ее спокойствию. Она реагировала на острые вопросы спустя некоторое время, обдумав все и только затем высказывая свои соображения по тому или иному спорному поводу.

Мне нравились наши неформальные разговоры. Мы редко сплетничали о коллегах. Мы говорили о Ливане, Палестине, Польше, социологии, искусстве и литературе и тому подобных вещах. Изабела - космополитичная личность и потому обладает высокой общей культурой. Во время COVID-19 руководство МСА – вице-президенты, руководители исследовательских комитетов и члены исполкома – часто встречались онлайн. Она часто не отмечала в дудле свои предпочтения о времени встречи, и всегда приспособивалась к тому таймингу, который был удобен для большинства участников. В какой-то момент я обратил внимание на то, что для нее это было время раннего утра или очень позднего вечера.

Изабела – хранительница памяти МСА, и потому она знает, что сработает и какой будет реакция социологического сообщества на те или иные решения исполкома. Мы планируем как-нибудь совершить горное восхождение с Изабелой. Мне хочется продолжить дружбу с Изабелой и за пределами МСА. Спасибо, Изабела, за все, что ты сделала для МСА за эти сорок лет! МСА многим обязана тебе! ■

Джеффри Плейерс (президент МСА с 2023 по 2027 гг.)

Президенты МСА напомнили нам о том, что Изабела Барлинска во многих отношениях играла решающую роль в истории МСА в течение последних сорока лет. Я был в прошлом созыве вице-президентом Ассоциации по работе с исследовательскими комитетами и имел возможность оценить ее преданность нашему общему делу в самое последнее время, когда она подготавливала перевод дел и обучение нового исполнительного секретаря. Она дела эта крайне эффективно с большой любовью к МСА и в свойственной ей чрезвычайно деликатной манере. Этим она преподнесла всем нам урок – она не вела длинных разговоров, а демонстрировала конкретные практики. Она напомнила нам от том, что МСА достойна такой преданности, и благо организации превышает блага отдельного человека. Хотелось бы чтобы все руководители нашей ассоциации и всех организаций мира так же относились к своему делу и

готовили следующее поколение к новому поприщу мудро, ответственно и с любовью к организации.

Изабела Барлинска придала форму МСА. Для тысяч социологов во всем мире она была лицом и голосом МСА. Она могла помочь всякому решить вопрос на уровне исследовательского комитета или на уровне исполкома Ассоциации. Мы унаследовали поразительную ассоциацию, которая может защитить позиции социологии и развивать ее на всех континентах. Мы должны поддерживать те высокие стандарты, которые установила Изабела и развивать на их основе новые проекты. Почти сорок лет Ассоциация была ее домом и останется им и поныне. Мы уверены, что в следующие годы и десятилетия она не расстанется с МСА, и мы увидим ее на наших Форумах и конференциях. ■

Чтобы узнать больше об Изабеле Барлинской, прочтите интервью, которое взял у нее Майкл Буравой; оно опубликовано в 2012 году в двух частях: [часть 1](#) и [часть 2](#).

> Глобальная социология: четыре трансформации

Джеффри Плейерс, Католический Университет Лувена (Бельгия), президент МСА (2023-2027 гг.)

| Иллюстрация, созданная на основе макровекторного изображения на платформе Freerik.

Приветствие нового президента двадцатому Всемирному Конгрессу Социологов, Мельбурн, 1 июля 2023 года

Целью социологии является понимание трансформаций, которые переживает мир, в котором мы живем; при этом наша дисциплина сама переживает трансформации. В особенности это касается проекта глобальной социологии, который должен быть переосмыслен в контексте трансформаций последних десятилетий. Я начал изучать глобализацию в конце 1990х годов. Тогда это была центральная тема социологии. Тема Всемирного Социологического Конгресса 1990 г. звучала так: «Социология для единого мира». Тридцать три года спустя глобальные вызовы стали еще серьезнее. Наш мир стал еще более глобализованным. При этом драматически изменилось наше видение мира, глобализации и социологии. В этом коротком приветствии мне хотелось бы кратко обозначить четыре аспекта этих изменений, обсудить, что они значат для МСА и объяснить, почему они требуют обновления проекта глобальной социологии.

> Новые инструменты коммуникации и связей

Одно из наиболее серьезных изменений, начиная с 1990х годов – это массовое использование новых информационных и коммуникационных технологий. Интернет и кибермир начали распространение в 1990-е годы, однако связанность вскоре стала считаться фундаментальным основанием эпохи интенсивного развития глобализации (Castells, 1996). В настоящее время, цифровые медиа и технологии являются существенной частью жизни большей части человечества. Они кардинальным образом изменили то, как мы общаемся, как получаем информацию и как проживаем жизнь вместе. Они глубоко трансформировали публичное пространство как в демократических режимах, так и в авторитарных и иллиберальных (illiberal).

Технологии цифровой коммуникации привели к новым вызовам и новым изменениям в работе МСА и в глобальной

социологии. Цифровая коммуникация создает инструменты, которые делают доступным социологический анализ, произведенный в различных регионах мира, и открывают социологические исследования обширной аудитории, состоящей из граждан и политиков. Первый крупный онлайн конгресс по социальным наукам, организованный МСА во время пандемии, собрал более 3500 исследователей. Сегодня социальные медиа МСА ежедневно информируют нас и поддерживают жизнь нашего сообщества. Онлайн встречи позволяют усовершенствовать динамику участия МСА, это в особенности касается онлайн собраний Совета по исследованиям.

> Ограниченная планета

Разрушение климата и рост экологического сознания коренным образом изменили понимание глобальности и опыт проживания глобализации. В 1990е годы термин глобализации использовался для описания экспансии западной модели рынка и формальной демократии в мире, вновь объединенном после Холодной Войны; процесс глобализации касался безграничным. Сегодня в условиях разрушения природы и глобального потепления вопросы глобальной социологии принимают новую форму.

Как жить вместе на нашей планете, у которой есть границы? Возможно, это самый важный вопрос, на который должна ответить социология 21 века. Экология и проблемы окружающей среды – это не просто конкретные объекты социологии: они пересекаются со всеми объектами и полями исследования; они стали основным вопросом социологии. Они приведут к трансформации нашей дисциплины и к изменению ожиданий в отношении социологии и социологов. Именно эти вопросы станут центральными для МСА в следующие четыре года.

> Рост авторитаризма, а не экспансия демократии

В 1990е годы большинство интеллектуалов, политиков и участников гражданского общества были убеждены или, по крайней мере, надеялись на то, что при содействии интернета усиление глобализации и взаимосвязанности будет способствовать экспансии демократии и росту уважения к правам человека.

Четверть века спустя в 2023 году мы выбрали для нашего конгресса тему «Возрождающийся авторитаризм». К большому сожалению, это бы отличный и очень своевременный выбор, сделанный Сари Ханафи. Надежды на новые волны демократизации, которые охватили многих при наступлении Арабской Весны, оказались напрасными, что и показало последующее десятилетие. Иллиберальные и авторитарные режимы усилились на всех континентах. Они научились эффективным способам использования социальных медиа и коммуникативных технологий для контроля своего населения, влияния на выборы в других странах и проецирования своих нарративов и моделей режима в глобальном масштабе.

Социологи и социальные ученые провели множество исследований, посвященных авторитарным режимам и их акторам, общественным движениям, несущим угрозу демократии. Очень часто проведение таких исследований

становится опасным и для самих социологов. Во многих странах ограничена свобода проведения исследований, что вызвано либо ростом государственного контроля, либо умножением угроз со стороны крайне правых или вооруженных формирований. В наше время глобальная социология должна уделять особое внимание поддержке социологов, которые сталкиваются с угрозами при проведении своих исследований. 25 января 2016 года в ходе изучения независимых профсоюзов в Каире, был арестован и убит египетской полицией молодой итальянский социолог, член ИК47 Джулио Режени (Giulio Regeni). МСА Форум в 2021 году начался со слов памяти Мариэль Франко, социолога, местного политика и активистки движения против государственного насилия, которая была убита бандитами в Рио-де-Жанейро 14 марта 2018 года. Один из самых блестящих докладов, прозвучавших на Форуме МСА 2021 года, был написан в тюрьме Сиханом Эрдалом, аспирантом Карлетонского Университета, который был арестован во время проведения полевой работы в Стамбуле.

> Подъем Глобального Юга

В 1990е годы глобализация ассоциировалась с вестернизацией, расширением западной рыночной экономики, культуры, образа жизни и мировоззрения. Глобализация 21 века описывается как подъем акторов и стран из других регионов планеты. Глобальные медиа обращают внимание на экономический и геополитический подъем этих акторов. Возрастание их роли в производстве знания имеет не меньшее значение.

Социология испытывает несомненное влияние этого подъема. Более глубокие связи и диалоги между социологами, живущими на разных континентах, большее распространение новаторской работы ученых Глобального Юга, новые взгляды на историю и географию нашей дисциплины - все это перевернуло наши представления о том, что такое глобальная социология. В 1990е годы в литературе по социологии на глобальном уровне доминировали западные авторы. Глобальный Юг и Восток часто рассматривались как места проведения эмпирических исследований, опирающихся на западные концептуальные модели. Сегодня глобальная социология стремится всеми силами сделать видимыми исследования ученых Глобального Юга и бросить вызов владычеству европоцентричного знания. Теория, понятия и аналитические разработки ученых Глобального Юга помогают нам осмыслить социальные вызовы, с которыми сталкиваются как Глобальный Юг, так и Глобальный Север. Видение Глобального Юга изменило наше понимание таких ключевых понятий, как современность, неравенство и экологическая справедливость. Оно показало нам другие способы отношения к природе, миру и себе самим.

Вопреки тому, что говорят некоторые их проponentы, доколониальный, субалтерный и постколониальный подходы эпистемологически не считают, что «деколониальная социология» должна начинаться с забвения всех достижений «западной социологии». Как знание, произведенное в любой другой части света, европейская и североамериканская социология должна рассматриваться в контексте времени и места, некоторые ее претензии на универсализм должны быть проблематизированы; это знание должно развиваться в глобальном диалоге с понятиями, мировоззрениями и теориями, рожденным на Глобальном Юге.

Глобальная социология не может оставаться укорененной в западных университетах и западных канонах, которые представляют себя универсальными, она также не может ограничиваться критикой западной социологии.

ДекOLONиальная, постколониальная и субалтерные перспективы предлагают нам контекстуально рассматривать социальные теории и переосмыслить некоторые ключевые понятия нашей дисциплины в диалоге с реальностями и знанием, укорененными в других частях глобального мира. С самого своего основания МСА стремится открывать пространства диалога между исследователями и подходами разных континентов, содействовать инклюзии эпистемологий и ученых Глобального Юга и представителей угнетенных меньшинств. Эти задачи стали еще более актуальными, чем в 1990е годы, в то время как Иммануил Валлерстайн сформулировал свое видение перспектив развития нашей науки.

Включение в орбиту глобальной социологии исследователей подходов и теорий, разрабатываемых на всех континентах, не только демократизирует социологию, но является наиболее плодотворным путем совершенствования нашего понимания социальной реальности и социальных акторов. Именно поэтому мы должны не только увеличивать число членов МСА, которые живут и работают на Глобальном Юге. Мы должны сделать так, чтобы эти коллеги активно и полноценно участвовали в работе МСА, в наших исследовательских комитетах и наших проектах; мы должны также поддерживать их национальные ассоциации.

> Открытость и забота

Глобальная социология – это не только теоретический проект, не только некий набор эпистемических дебатов и методологических вызовов. Это позиция, которая одновременно является социологической, культурной и личностной.

После деколонизального поворота глобальная социология обратила свои взоры на подходы, основанные на различных мировоззрениях, культурах и социальных контекстах. Глобальная социология принимает на себя риски и надежды, связанные с утратой некоторых своих определенностей и с готовностью научиться новому во взаимодействиях с другим. Она основана на готовности с удовольствием читать работы ученых других континентов и встречаться с ними. Глобальная социология готова со всей открытостью смотреть на свои объекты с различных позиций, понимать их различным образом и, возможно, готова осмысливать нас самих и наше место в мире иначе, чем раньше.

Теоретически богатые исследования и теории из других частей света, толерантные диалоги между конкретными контекстуальными подходами и результатами исследований, желание научиться друг у друга – все это решающие компоненты обновленной глобальной социологии.

Основная роль МСА – создание пространств, которые способствуют межкультурным диалогам, где мы можем делиться результатами своих исследований и своим видением в поддерживающем окружении. Выполнение этой роли требует не только намерений, обсуждения и анализа. Необходимо также развитие практик открытости, толерантности, заботы друг о друге, особенно в международном и мультикультуральном окружении.

Разрешите поделиться конкретным примером. Несколько месяцев назад я принял участие в работе Лаборатории аспирантов (ISA PhD Laboratory). Одна из ее участниц приехала на встречу после долгого и тягостного путешествия из Палестины. Ее долго подвергали допросам на границе и во время обеда ее охватила паническая атака. Два или три других участника осторожно пересадили ее на другое место, выслушали ее и успокоили. Молодой коллега-аспирант снял для нее комнату недалеко от гостиницы, где происходила встреча, позаботился о ней, постарался чтобы она хорошо выспалась и отдохнула. На следующий день в 9 часов утра они уже вернулись и приняли участие в первом заседании, которое стало введением в семидневную работу семинара. Все это было сделано так деликатно, что в первый вечер я даже ничего не заметил. Однако эти конкретные действия показывают нам, что забота друг о друге является неотъемлемой составляющей развития глобальной социологии.

Оставаясь по большей части незаметными эти солидарность и забота, на самом деле, имеют решающее значение для МСА. На этом примере я хотел показать, что МСА и глобальная социология приводятся в действие не только благодаря нашим большим встречам и конференциям. Деятельность МСА воплощается в межкультурных контактах, в обменах между социологами разных континентов, в открытости к иным подходам и исследованиям, проведенным в разных регионах глобального мира, а также в практиках заботы, которая позволяет нам делиться этими знаниями в условиях поддерживающей среды. Развитие глобальной социологии, укорененной в открытости к взглядам других и практикам заботы приобретает особенно значение во время роста авторитаризма, национализма, неравенства и коллапса окружающей среды.

Двадцатый Всемирный Конгресс Социологии подходит к концу. Давайте унесем отсюда частицу этого МСА и постараемся в наших профессиональных практиках реализовать эту открытость глобальному диалогу и эту заботу друг о друге. Давайте совместными усилиями строить новую, более открытую и глобальную социологию, начиная с нашей повседневности как социологов, как исследователей, как учителей, как граждан и как людей.

Крупнейшим вызовом нашего времени является прогрессирующий рост планетарного сознания, которое позволит нам противостоять другим общим для человечества проблемам, таким как глобальное потепление, кризис окружающей среды, рост неравенства во всех его изменениях и угрозы демократии. Если социологи сохраняют верность своему профессиональному долгу, они будут способствовать этому планетарному сознанию и решению тех проблем, с которыми сталкивается мир в этом столетии. ■

Адрес для связи: <Geoffrey.Pleyers@uclouvain.be>
Twitter: [@GeoffreyPleyers](https://twitter.com/GeoffreyPleyers)

Публикации Джеффри Плейерса на эту тему:

[Global Sociology as a Renewed Global Dialogue](#) [Глобальная социология как обновленный глобальный диалог], *Global Dialogue*, 13.1, April 2023.

[For a global sociology of social movements. Beyond methodological globalism and extractivism](#) [К развитию глобальной социологии общественных движений: за пределами методологического глобализма и экстрактивизма], *Globalizations*, 2023.

> Памяти Маргарет Арчер (1943-2023)

Мартин Олброу, Лондон, ВБ

Ист.: Мануэль Кастельс Клементе (Университет Наварры)

Невыразимая печаль охватила меня, когда я узнал о смерти Мэгги! Мы были знакомы очень давно. Мы познакомились в 1966 году как преподаватели только что открывшегося факультета социологии в Университете Ридинга, ВБ. Ей было 23 года, и она уже завершила свою докторскую диссертацию в Лондонской Школе Экономики, посвященную образовательным амбициям родителей английского рабочего класса и их влиянию на детей. Я был пятью годами старше и к тому времени еще даже не защитил магистерскую диссертацию. Я был обескуражен! Я двинулся дальше, она осталась на 7 лет на этом факультете, справляясь с безумным профессором. Она все же опубликовала 14 статей, а затем переехала в Варвик, где и проработала большую часть своей жизни. Все это время мы регулярно общались.

Она была образцовым работником, она полностью посвятила себя социологии, она скорее заботилась о развитии этой дисциплины нежели о своей собственной карьере. Я не буду пытаться оценить ее основной интеллектуальный вклад в науку, это могут сделать многие, но я расскажу о той работе, которую мы делали вместе для МСА. Занимая тогда позицию председателя

публикационного комитета, она обратилась ко мне с просьбой помочь в учреждении нового журнала. Он должен был называться *International Sociology* и, тем самым, противостоять тому, что мы считали несправедливым национальным фокусом основных профессиональных журналов: хотя они как будто бы были открыты для всех, на самом деле все статьи для публикаций должны были подаваться на английском языке. Мы заявили, что мы хотим организовать перевод с любого языка! И даже с китайского, и мы действительно делали это.

Первый номер журнала вышел в свет в 1986 году с предисловием Фернандо Кардозо, который был тогда президентом МСА (и еще не был президентом Бразилии!) В нем было опубликовано шесть статей авторов из Польши, Индии, Норвегии, Болгарии и США (2 статьи). Мы думали, что наша миссия выполнена! Но вскоре первоначальный договор о публикациях был пересмотрен, как и институционализация журнала в Кардиффе. Начался период трудных переговоров, а затем издательство Sage взяло на себя ответственность за журнал и обеспечило ему устойчивую профессиональную репутацию. Мэгги посвятила много сил этому делу и заслуженно стала следующим президентом МСА.

Она обладала выдающейся силой убеждения и всегда умела найти талантливых людей для участия в каком-либо профессиональном событии. Последний раз я наблюдал ее в этом качестве на собрании Тихоокеанской Академии Социальных Наук, президентом которой она стала в 2014 году. Как сейчас помню, как она ведет встречу, на которой присутствовали одновременно Берни Сандерс и Джеффри Сакс.

Но наиболее ярким мне представляется ее образ на церемонии открытия Всемирного Социологического Конгресса в Мадриде в 1990 году. Часть делегатов конгресса (всего их было 4000), которых могла вместить огромная аудитория, ждали, когда почетные гости займут свои места на авансцене. И вот они появились в следующем порядке: сначала испанская королева, потом Мэгги, а за ней – король. Она уходила тогда с поста президента, была прекрасна и величественна, как всегда одета во все белое, она королевским жестом приветствовала публику. Она была феноменальна, обладала уникальным талантом, с которым никто не мог соперничать. Она поддерживала всех, кто находился рядом, но никогда не ожидала от них чего-то большего, чем они могли дать. Социологи всего мира будут оплакивать ее уход. Но ее вклад в развитие нашей дисциплины будет ощущаться еще долгое время. ■

26 июня 2023 года

> Критическая Теория и Глобальная социология: сестры по оружию?

Стефан Лессених, Франкфуртский Институт Социальных Исследований, Германия

Институт Социальных Исследований (Institut für Sozialforschung), Франкфурт-на-Майне, 1920е гг.

Столетний юбилей Института Социальных Исследований и так называемой Франкфуртской Школы - это прекрасный повод задаться вопросом, почему Критическая Теория во франкфуртском изводе выдохлась и когда именно это случилось. Довольно часто критической точкой в этом отношении считается коммуникативный поворот в критической теории, осуществленный Юргеном Хабермасом в начале 1980х гг. Идеи Хабермаса не только проложили путь эффективной дематериализации критико-теоретического образа мыслей, но и придали второстепенное, если не маргинальное, значение классовому анализу и логике капиталистического воспроизводства. Кроме того, фокус Хабермаса на имманентной критике либеральной демократии дал толчок второму поколению критической теории, которое настаивало на том, что политическим завершением «незавершенного проекта» модерна является Европейский Союз, ставший основным объектом нормативного желания и потенциальной ролевой моделью социально-демократического дизайнера постнационального общества позднего модерна.

> Как европоцентричная Критическая Теория пропустила глобализацию

На этом фоне не кажется преувеличением утверждение, что до некоторой степени Критическая Теория пропустила глобализацию. По крайней мере, в своем основном

хабермасовом изводе она осталась европоцентричной или западной, что было характерно для большинства представителей первого поколения. После Первой Мировой Войны Критическая Теория развивалась, отвечая на вопрос о провале или несостоявшейся революции рабочего класса против капиталистического господства в Западной Европе; с начала 30х годов она фокусировалась на материальных и психолого-социальных основаниях фашизма и подъема национал-социализма; после 1945 года в течение более двадцати лет (до студенческого движения конца 60х гг.) ее развитие стимулировали поиски ответа на вопрос о том, может ли демократия по-настоящему, а не только формально, прижиться в постфашистской Германии (или в более широком смысле, каким может быть потенциал социальной эмансипации после того, как разум превратился в миф и разрушение). Итак, с самого своего основания и в течение всей своей истории, несмотря на американскую интерлюдия, длившуюся почти два десятилетия, Критическая Теория была в большой степени европейским образованием и осталась таковой и по сей день. Изучение нормативных парадоксов капиталистической модернизации (а именно этим занимается Институт Социальных Исследований с начала 21 века, согласно утверждению его команды) может быть названо отражением этого структурного уклона: научная (и политическая) повестка вновь фокусируется на имманентной критике западной модернизации, которая обвиняется в том, что она превратила индивидуализацию и самоопределение из эмансипаторного обещания в институциональное требование.

С точки зрения остального (капиталистического) мира, такая исследовательская повестка представляется очевидно странной и само-референциальной. Уже в течение сотни лет и почти во всех своих классических и современных вариациях западный колониализм и имперское правление, с одной стороны, и история деколонизации и постколониальности, с другой, подозрительным образом отсутствуют в Критической Теории (с большой буквы) высокого, позднего и самого позднего капитализма. Критическая Теория не предпринимала никаких серьезных, широких или долгосрочных попыток провинциализировать Европу, европейский исторический опыт или саму критическую теорию. До недавнего времени логика капиталистического воспроизводства, которую подвергали критике представители Критической Теории, была синонимична логике западного капитализма: нормативный горизонт

>>

такой критики ограничен вневременным каталогом все тех же ценностей, которые распространялись Европейским Просвещением. Что касается эмпирических референтов всех аналитических и диагностических размышлений, то их составляет почти исключительно социальная реальность (или то, что описывается как таковая) богатых демократических обществ Западного полушария (или с недавнего времени – Глобального Севера).

> Критическая Теория и Глобальная Социология

Учитывая все выше сказанное, кажется вполне очевидным, что Критическая Теория должна быть заинтересована в открытости того, я назвал бы Глобальной Социологией. Однако, какое дело Глобальной Социологии до Критической Теории?

Позвольте мне резюмировать, что представляет собой, на мой взгляд, Глобальная Социология. Во-первых, Глобальная Социология – это аналитический подход, базирующийся на принципе *относительности*; она систематически соотносит социальные явления, характерные для одного места капиталистического мирового порядка, с тем, что происходит (и происходило) в других местах: она соотносит экономический успех Запада с эксплуатацией «дешевых» труда и природы в других местах; она сопоставляет социальную структуру жизненных шансов в любом «национальном обществе» с (изменяющимися) гео-экономическими и геополитическими структурами господства; она сопоставляет потенциальную легитимацию наличного политического порядка с возможностью эффективной экстернализации затрат и условиями его стабильного существования. Во-вторых, Глобальная Социология в своем эмпирическом подходе *децентрализована* в том смысле, что она систематически принимает во внимание множество локальных, региональных, национальных и транснациональных сущностей и практик, которые формируют институциональную логику и жизненные миры повседневности «реального капитализма» (и капиталистического реализма). В-третьих, Глобальная Социология по своей профессиональной практике носит *сетевой характер*, соединяя исследования, проводимые в разных уголках мира и – по возможности – при данных условиях и неравном позиционировании – поддерживает кооперацию неконкурентного сообщества исследователей, вовлеченных в критическую реконструкцию глобальной эры.

Конечно, это не только стилизованная, но и идеализированная картина: идеально-типичное видение – то, каким хотелось бы видеть проект Глобальной Социологии. В

особенности эта оговорка касается третьей характеристики: реально существующая глобальная социология совсем не соответствует нарисованному выше идеальному типу, потому что глобальные социологи имеют тенденцию к индивидуализации, к секторальности и /или национализации под влиянием политэкономических сил, управляющих академическим миром. Несомненно, существуют некоторые институциональные центры притяжения либо в контексте Международной Социологической Ассоциации, либо (на региональном уровне) в контексте Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales (Латиноамериканский Совет Социальных Наук); существует как мы видим *Глобальный Диалог*. Но впереди у глобальной социологии долгий путь развития.

> Критическая Теория может быть источником информации для Глобальной Социологии

И снова повторим наш вопрос: какой может быть роль Критической Теории, которая в настоящее время, к сожалению, деглобализована, в развитии проекта Глобальной Социологии? На мой взгляд, Критическая Теория, особенно в том ее изводе, которые рефлексивен в отношении своих исторических корней, может двойственным образом помочь реализации проекта Глобальной Социологии. С одной стороны, она может служить коррективом для глобальной социологии, создавая противодействие попыткам видеть на каждом углу «революционный субъект» и тем самым оградить Глобальную Социологию как от принятия, желаемого за действительное, так и от некритичного братания с актуальными общественными движениями. С другой стороны, несколько парадоксальным образом, Критическая Теория могла бы эффективно убедить Глобальную Социологию в том, что именно капитализм – во всем разнообразии его форм – является сердцевинной всех социальных противоречий и социальных искажений, которые мы наблюдаем в сегодняшнем мире. Начиная с захвата Северной и Южной Америки до недавно обновленной крепости Европы именно капитализм делал и делает свою глобальную работу. И давайте скажем прямо: капитализм убивает.

Разумно это или нет, но я рассматриваю Глобальную Социологию и Критическую Теорию как сестер по оружию. Этим оружием, конечно, являются социальное исследование и социальная критика. ■

Адрес для связи: lessenich@soz.uni-frankfurt.de

> Хлопковый капитализм: постколониальные размышления о капитализме

Гурминдер Бхамбра, Университет Сассекса, ВБ

| Хлопковая плантация. Ист.: iStock, Марк Кастилья, 2023.

Представление о современном капитализме как конкретной социально-экономической формации характерно для многих социологических подходов, особенно тех, которые опираются на работы Маркса и Вебера. Такой взгляд присущ и Критической Теории, сочетающей нормативные аргументы об эмансипации и возможностях человека с представлениями о капитализме, который Нэнси Фрезер и Рахель Джегги ([Fraser & Jaeggi, 2018](#)) называют «укорененной последовательностью режимов накопления, которая диахронически развертывается в ходе исторического процесса».

Эта модель развивающейся последовательности обычно локализует возникновение современного капитализма в Европе в сфере мелкого производства, разрушающего статусные иерархии феодальных социальных укладов

с целью создания коммерческих возможностей получения дохода. В этой картине не хватает осмысления колониального контекста современного капитализма. Так, например, движение за закрытие национального рынка, необходимое для создания национального рынка рабочей силы, рассматривается отдельно от таких его проявлений на колонизованных территориях, как присвоение земель и рабочей силы. Оно также рассматривается автономно от организованных государством политических процессов колониализма, которые включают апроприацию и которые являются необходимой частью производства национального продукта.

В этой краткой статье я утверждаю, что необходимо рассматривать колониализм как базовое основание капитализма, и показываю, как он конституируется. Более

>>

развернуто мой подход представлен в других [публикациях](#). Здесь я хочу обсудить один аспект, проясняющий мой общий аргумент. Я хочу показать, что трактовки капитализма, представленные в социальных науках, в том числе, и в Критической Теории, являются европоцентричными и предполагают игнорирование колониализма.

> Хлопковая промышленность без хлопка

В середине 19 века успех хлопковой индустрии в Манчестере, связанный с использованием труда, основанного на технологических инновациях в сфере ткачества и прядения, привел к трансформации маленького провинциального городка в глобальный город. Этим было обеспечено фактически центральное значение Манчестера для Промышленной Революции и для концептуализации капитализма.

Утца Патнаик ([Utsa Patnaik](#)) имеет все основания задать вопрос: как возможно, чтобы страна, которая не производила соответствующее сырье – хлопок – смогла совершить промышленную революцию в отрасли хлопковой индустрии? Родина хлопка – Индия, а не Британия и даже не Европа. Культивирование хлопка и производство хлопковых тканей зародилось 5000 лет назад в цивилизации долины Инда; Индия долгое время была экспортером хлопковых тканей в большинство стран мира.

В 1600е годы английская Ост-Индская Компания начала импортировать из Индии значительные объемы хлопчатобумажных тканей. В конце 17 века популярность новой ткани заставила торговцев шерстяной одежды обратиться с петицией к правительству ВБ с требованием полного юридического запрета на продажу и потребление хлопчатобумажного текстиля; они требовали, чтобы было даже [«запрещено захоронение в чем-либо, кроме шерстяных саванов»](#). Такая политика продолжалась вплоть до конца 19 века: она защищала национальную торговлю шерстью и создавала условия развития местной хлопковой отрасли.

> Историческое и социологическое пренебрежение

Период протекционизма продолжался 150 лет; он поддерживался меркантилистскими ограничениями импорта индийских тканей. Именно в этом контексте хлопковая промышленность Манчестера получила возможность сначала зародиться, а потом и достичь расцвета. Однако Патнаик отмечает, что это обстоятельство не упоминается ни одним значимым британским историком Промышленной Революции и технологических изменений. Этот вопрос обходят молчанием Дин и Коул (Deane & Cole), Ландес (Landes), Хобсбаум (Hobsbawm), Флауд и Маккроски (Floud & McCloskey) и Хилл; он не упоминается социологами, изучающими возникновение модерна и его политическую экономию.

Если в начале 18 века Индия обеспечивала 25% глобального рынка готовых текстильных изделий, то к концу

19 века колониальная политика Британии превратила ее в поставщика хлопкового сырья для британской индустрии. Индийская текстильная мануфактура систематически разрушалась, а с ней и образ жизни людей, которые от нее зависели.

Одновременно британцы использовали дешевое хлопковое сырье, полученное в результате принудительного и рабского труда на плантациях США. Хлопковые плантации существовали не только в южных штатах США, в 19 веке они появились в Индии и Западной Африке. Так, например, в 1840 г. Манчестерская Торговая Палата и только что образованная Ассоциация Поставщиков Хлопка лоббировали требование, согласно которому колониальное правительство Индии отдавало предпочтение выращиванию «новоорлеанского» сорта хлопка перед местными сортами, что способствовало развитию британского производства.

> Возникновение капитализма из колониализма

Итак, мы видим, что промышленная мощь Британии основана не на эндогенной Промышленной Революции. Ее рост зиждется на систематическом разрушении мануфактур в Индии, на глобальной экономике плантаций, основанной на принудительном рабском труде и на насильственном открытии рынков продажи британских товаров. Поэтому я полагаю, что колониализм должен рассматриваться как необходимая составляющая промышленного развития, которое считается базисом возникновения капитализма.

Формы апроприации, сопряженные с этим процессом, не следует трактовать просто как присвоение прибавочной стоимости, полученной благодаря затратам труда (независимо от того, идет речь о свободном или несвободном труде). Напротив, мы должны со всей серьезностью рассматривать присвоение других земель и разрушение торговли и производства в других местах как базовые условия капитализма.

> Трансформация невозможна без понимания

Причина, по которой такая переориентация в трактовке капитализма является совершенно необходимой, заключается в том, что большинство критических подходов к капитализму фокусируют внимание на возможностях сопротивления в рамках отношений между трудом и капиталом. Именно эти отношения, как правило, считаются ключом трансформации капитализма. Такое понимание приводит к тому, что распределительная справедливость фокусирует внимание на прибавочной стоимости, созданной трудом и несправедливо присвоенной капиталом. Однако эта трактовка игнорирует другие формы несправедливого присвоения, те формы, которые являются устойчивыми и ключевыми для сущностной конфигурации капитализма. ■

Адрес для связи: [<G.K.Bhambra@sussex.ac.uk>](mailto:G.K.Bhambra@sussex.ac.uk)

> Периферия пишет ответ: колониальный опыт в мировом масштабе

Мануэла Боаткэ, Университет Фрайбурга (Германия), член ИК МСА по исторической социологии (ИК56)

В 2004 году в Мехико прошел международный симпозиум «Критическая Теория в диалоге между Европой и Латинской Америкой и современные задачи критики». Выступая перед публикой, состоящей, в основном, из немецких и латиноамериканских ученых, аргентинский философ Энрике Дуссель начал свой доклад «[От Критической Теории к Философии Освобождения: некоторые темы диалога](#)», отметив, что, прежде всего, он хотел бы всерьез обратить внимание на «субъектов этого диалога, на их *locus enuntiationis*: кто мы и откуда мы говорим». Дело не только в том, добавил Дуссель, что такие диалоги случаются не часто и их правила неясны; они редко бывают симметричными.

В 21 веке основной задачей еще не созданной «критической философии, обладающей глобальной валидностью» является рассмотрение в качестве отправной точки рассуждений «перспективы тех, кто исключен из глобальной системы (периферийные страны) и тех, кто является исключенными в контексте отдельных стран (обедневшие массы)» (Dussel 2004). Этот призыв прекрасно резонировал с другими современными и более ранними тезисами. Так, сторонники латиноамериканской Теории Зависимости призывали к анализу развития с точки зрения периферии; сторонники Теории средств существования, немецкие феминистки Мария Миис, Вероника Бенхольд-Томсен и Клаудиа фон Верлхоф, стремились инкорпорировать в свои теоретические построения «взгляд снизу»; феминистки из стран Третьего Мира предлагали переписать историю рабства и колониализма с точки зрения «мест оппозиции»; в 1980-1990е годы растущее число «позиционных теорий» расы и гендера выступали с требованиями пересмотра эпистемологии социального знания.

> Призыв, не получивший ответа

Сегодня, спустя почти двадцать лет после выступления Дусселя, в постколониальных и деколониальных подходах прочно утвердились субалтерная, периферийная и диссидентская перспективы, а опыт и позиционирование колониального субъекта и роль эпистемического места в глобальном производстве и циркуляции знания получили окончательное признание. Все это создает предпосылки для развития теории, которая критически рассматривает сложившиеся на глобальном уровне отношения власти. Но

похожа ли эта критическая теория на Критическую Теорию Франкфуртской Школы? Иными словами, состоялся ли тот диалог, о котором говорилось на симпозиуме 2004 года?

Короткий ответ на все эти вопросы – «нет»! Развернутый ответ должен начинаться с посылки Дусселя о том, что, игнорируя глобальные экономические разрывы, второе поколение Франкфуртской Школы отошло от «негативной критики» и таким образом Критическая Теория «[утратила свой истинно критический дух](#)» как в отношении исторической реальности, так и в отношении сохраняющихся на периферии «негативных последствий голода» (“negativity of starvation”). Дуссель предостерегал нас от Критической Теории, которая в качестве отправной точки опиралась на стандарты жизни в странах, составляющих ядро капиталистической системы. В этом отношении он прямо говорил о Хабермассе, который не только остался европоцентричным в своих теоретических построениях, но также выказывал «провинциальную ограниченность», невыносимую для тех, кто живет на периферии. Несомненно, существуют различия в фокусе, масштабе и степени как между постколониальными и деколониальными подходами, так и между различными поколениями сторонников того или иного подхода. Можно сказать, что в 2000 годы политэкономия глобального капитализма оказала большее влияние на развитие латиноамериканских деколониальных подходов, опирающихся на Теорию Развития и мир-системный анализ, чем на англоязычные постколониальные подходы 1990х гг., фокусирующиеся на проблематике культуры, идентичности и репрезентаций. Однако сегодня ситуация, кажется, изменилась, и есть авторы, для которых характерны иные позиции. Венесуэльский антрополог и деколониальный исследователь Фернандо Корониль, обсуждая различные генеалогии критики имперской и колониальной власти, писал в 2008 году, что в обеих Америках фокусом критики была политэкономия зависимости, а в новых независимых государствах Африки и Азии критика кристаллизовалась вокруг последовательности колониализма и постколониализма. Призывая к диалогу между двумя традициями критики, [Корониль подчеркнул их взаимодополнительность, а не различия](#): «Критические реакции на колониализм в разных локациях приобретают различные, но комплиментарные формы». Если в азиатской перспективе необходимо было «провинциализировать» европейскую мысль, то латиноамериканская перспектива

>>

“Чтобы добиться симметричного диалога между критическими теориями, необходимо добиться плюрализации географических и эпистемических локаций производства критической теории”

сосредоточилась на глобализации периферии: на признании глобального характера формации, которая состоит из само генерирующихся центров метрополии и отсталой периферии».

> Долгожданный ответ

Ответ периферии (в виде Теории Зависимости, Субалтерных Исследований или деколонизального подхода), прозвучавший в адрес европоцентричной Критической Теории (в единственном числе), был одним из важнейших шагов. Таким образом была выявлена конститутивная структура модерна, состоящая из социально-экономических условий мир-системных периферийных стран, а также, предположительно, немодерных социальных отношений в ядре мир-системы, и их обратная сторона – колониальность, которая перестала рассматриваться как что-то внешнее по отношению к модерну. Рабство и его последствия, крепостное рабство, расово сегрегированная рабочая сила в ядре и на периферии мир-системы, эксплуатирующая буржуазия и «двойная экономика» в обеих Америках, патриархатные гендерные отношения в Африке и на Ближнем Востоке, сосуществование форм оплаты труда и неоплачиваемого труда на всех колониальных территориях – все эти феномены не рассматривались более как свидетельства приписанной отсталости периферии, но осмысливались как следствия колониального и имперского правления.

Для того, чтобы состоялся и продолжился симметричный диалог между критическими теориями (множественное число), мы должны представить множество географических и эпистемических локаций производства критической теории. В преимущественно

европоцентричной некритичной презентистской социальной науке колониальный и имперский опыт только в виде исключения становится центром анализа исторической реальности и современной материальности отношений власти. Не-западный, не-европейский не-белый опыт часто остается вне исследовательского внимания. В результате вплоть до конца 20 века социология неравенства и стратификации фактически оставляла без внимания расу и этничности в западных обществах; социология капиталистического развития недооценивала роль экономики рабства, арендного труда и все формы неоплачиваемого труда; социология миграций не обсуждала отношения колонизаторов и колонизованных. Все объяснения не включали анализ женского опыта, что постепенно и частично восполнялось включением белых западных женщин как объектов, а затем субъектов социологического производства на Западе. Глобализация периферии или, по словам Корония, признание всемирного влияния опыта периферии, проявит центральное значение в мировой капиталистической экономике таких процессов, как колониальная экспансия Европы, торговля людьми поработенных народов, европейские эмиграции в обе Америки и пр. Эти процессы будут считаться столь же очевидными для развития капитализма, как классовый конфликт, формирование пролетариата и социальная мобильность западно-европейских промышленных государств, анализ которых стал основанием для создания социологии. ■

Адрес для связи: <manuela.boatca@soziologie.uni-freiburg.de>
Twitter: [@ManuelaBoatca](https://twitter.com/ManuelaBoatca)

> Тотальность и экстериторность: категории деколониальной критической теории

Патрисия Чиполитти Родригез, Аспирантский центр Городского Университета Нью-Йорка (CUNY), США

Критическая Теория известна своим методом изучения общества, который получил название «имманентной критики». В некотором отношении она может быть описана как интерпретация того, как и почему определенные социальные уклады могут развиваться в неверном направлении, следуя своей собственной логике. Развивая идеи Макса (который в этом отношении следовал за Гегелем), сторонники Критической Теории выявили противоречия между нормами, которые, по словам Нэнси Фрезер ([Nancy Fraser](#)), «систематически и неслучайным образом возникают в обществе, приобретают «имманентный характер» и становятся условиями человеческих действий. Классический марксов пример в этом отношении это рыночные свободы, которые, с одной стороны, имманентно присущи буржуазному обществу», а, с другой стороны, воспроизводят реальность жизни рабочих – «свободу голодать» (“freedom to starve”). Критическая Теория, таким образом, анализирует эти противоречивые тенденции как предвестники кризисов и рассматривает их как потенциал социальных трансформаций.

Развивая нормативные стандарты на основе исследуемых практик, Критическая Теория стремится уклониться от идеологических ловушек мейнстримной аналитики моральной и политической философии. Если мейнстримные подходы часто предполагают, что такие идеалы, как «справедливость» или «равенство» применимы в любых темпоральностях и для любых географий, сторонники Критической Теории не сомневаются в историчности этих идеалов и полагают, что в условиях неравенства обращение к ним используется в интересах господствующих групп. В этом отношении нас интересуют толкования свободы в капиталистическом обществе.

> Тотальность и европоцентризм

Приверженцы деколониальной теории считают, что эта картина является неполной. Согласно мнению аргентинско-мексиканского философа Энрике Дусселя основная проблема диалектических методов, к которым относится и имманентная критика, является их претензия на всеохватность ([totality](#)). Понятие тотальности широко используется западными марксистами и их последователями. В данном контексте тотальность имеет, по крайней мере, два значения. Во-первых, имманентная критика предполагает, что все нормативные ресурсы социальной эвалюации и трансформации могут быть выведены из объекта критики. Поскольку объектом критики является капиталистическое общество, то именно оно содержит всю тотальность инструментов критики. Во-вторых, соответственно, капитализм понимается как глобальная структурная тотальность, поскольку характерные для него процессы и представления формируют виртуальным образом всякое человеческое сообщество на нашей планете.

Дуссель полагает, что такое тотализирующее представление является европоцентричным. Оно проблематично оставляет без внимания мириады форм жизни, которые хотя и примыкают к капиталистическому обществу, но четко отличаются от него. Методологически релевантными являются так называемые экстериторности (exteriors) всеохватного объекта, в рамках

которых люди размышляют, действуют и чувствуют иначе, чем принято в западном капиталистическом модерне. Такие экстериторности представляют собой существенные нормативные альтернативы - идеалы, концептуализации, практики и проч. - на основании которых может быть оценен и подвергнут трансформации объект критики. Некапиталистические формы жизни могут, например, в конкретных терминах продемонстрировать что представляет собой неэкстрактивное отношение к природе.

> Аналектика и экстериторность

Дуссель называет возникающий деколониальный метод аналектикой (*analectics*), где предлог «ана» указывает на то, что позиция критики помещается *вне* объекта, а не *внутри* его. Размышления тех, кто находится *по ту сторону* (на оборотной стороне) капиталистического модерна, являются одним из важных вкладов деколониальной мысли в диалектический анализ «изнутри», которым занимается Критическая Теория.

В латиноамериканской деколониальной мысли аналектическая категория экстериторности проявляет себя как эксплицитно, так и имплицитным образом. В качестве примера приведем понятие *buen vivir* («достойной жизни»), которое Моника Чуйи, Грималдо Ренгифо и Эдуардо Гудинас описывают в выпуске Глобального Диалога за [апрель 2023 года](#) как «ансамбль южно-американских подходов, которые критикуют общество модерна и описывают новые способы размышлений, чувствований и бытия, - иные онтологии - укорененные в конкретных исторических процессах на конкретных территориях, в контексте конкретных культур и экологий». Представления о *buen vivir* существенным образом опираются на традиции коренных народов. Эти авторы отмечают, что практики *buen vivir* получают широкое распространение не только в странах Анд, где они зародились, но и за их пределами. Исследователи разрабатывают теоретические основания конкретных альтернатив капиталистического развития, таких как, например, конституционное закрепление прав природы. *Buen vivir* - это идея, основанная на экстериторности; она делает возможной аналектическую критику капиталистических укладов. Другие значимые варианты применения экстериторности относятся к образу жизни сообществ коренного населения, сельскому образу жизни, образу жизни потомков людей, завезенных из Африки, образу жизни городской бедноты и населения мало развитых стран.

> Глобальные шупальца капитала

Сторонники Критической Теории марксистского извода могут счесть аналектику чем-то неуместным. Рассуждать о чем-то экстериторном по отношению к капитализму, по их мнению, значит романтически отрицать пятисотлетнюю консолидацию того, что Иммануил Валлерстайн назвал «мир-системой модерна». Это означает отказаться от интерпретации современной социальной реальности на мировом уровне в качестве структуры, которая конституирована взаимосвязанными элементами как совокупность динамичных экономических процессов и социальных

>>

“Приверженцы критической теории признают историчность таких идеалов, как «справедливость» и «равенство»”

практик, реализуемых человеческими действиями, которые поддерживают накопление прибавочной стоимости. В соответствии с таким видением, отношения между центром и периферией, эксплуататором и эксплуатируемым, богатым и бедным, оплачиваемым и неоплачиваемым трудом и проч. не являются строго отделенными друг от друга, но являются необходимыми составляющими системной тотальности. Более того, щупальца капитала действуют в глобальном масштабе. Торговать в соответствии с валютным курсом, участвовать в местных рынках, которые находятся в разных сегментах глобальных рыночных потоков, находиться в долгу, вступать во взаимодействия с добывающими компаниями и государствами, которые используют силу для поддержания национального суверенитета, - все это составляющие элементы всеохватного капиталистического опыта. Очень мало сообществ (а возможно таких и нет совсем) настаивают на том, что они «абсолютно», «радикальным образом» или «максимально» отделены от капиталистических экономических цепочек, то есть, если пользоваться терминами Дусселя и других деколонизаторских мыслителей, являются экстерниорными.

Отвечая на эту марксистскую критику, исследователи, использующие категорию экстерниорности, должны прояснить, что капиталистическая модернность как *тотальность* отличается от экстерниорных сообществ не в материальном смысле. Большинство деколонизаторских мыслителей придерживаются мир-системного тезиса, без которого невозможно адекватно интерпретировать современные формы эксплуатации, добычи ресурсов или угнетения. Разделение происходит скорее на уровне опыта и нормативного регулирования. Это означает, что люди, принадлежащие к экстерниорным сообществам, думают, чувствуют и судят о происходящем иначе. Такая инаковость может включать способы взаимодействия с рынком, отличные от тех, которые свойственны классам, получающим выгоду от рыночных интеракций.

> Проблемы современных дуализмов

Этот ответ, тем не менее, не удовлетворит представителей Критической Теории, которые в духе постмодернизма, ставят под сомнение концептуализацию «модерна», которую мы находим в [важнейших аналектических разработках](#). По их мнению, аналектические идеи позиционируют модернность как некое культурное единство, которое включает в себя способы мышления и чувствования, которые сформированы инструментальным разумом, капиталистическим накоплением и аналогичными вещами, от которых существенно отличается *инаковый* способ мышления, чувствования и бытия.

У критиков, склонных к постмодернистской позиции, такая концептуализация модерна вызывает прежде всего, политическое подозрение. Овеществление культур в качестве сплоченных единых общностей, влечет за собой дуалистические паттерны мышления, включающие классификации, различающие Я и Другого. Как предупреждал постколониальный мыслитель Эдвард Саид, подобные схемы классификации могут быть легко мобилизованы для контроля «других» народов и групп населения. Во-вторых, эти схемы ошибочны на описательном уровне: формы социальной жизни являются исторически контингентными и гетерогенными

сочетаниями практик, которые способны изменяться благодаря транскультурным обменам. Более того, знаки, придающие значение этим практикам, могут быть транспонированы на другие культурные горизонты и выполнять функции, отличные от тех, которые были свойственны им в местах возникновения. Сторонники концепции *buen vivir* полагают, что связи между способами жизни и географическими территориями, где они возникли, могут сохраняться. Однако они не должны считаться эссенциалистскими, неизменными или радикально не коммуницируемыми.

> Экстерниорности как гибридные культуры и множественность нормативных ресурсов

Те, кто использует категорию экстерниорности, должны размышлять не в терминах модерна, а терминах «модернизации». Это процесс, с помощью которого сообщества вовлекаются в современные практики, символы, технологии и рациональности, подобные тем, с которыми мы сталкиваемся в сфере рыночных отношений. Более того, материальная и политическая интеграция сообществ в мир-систему приводит к тому, что они неизбежно вовлекаются в процесс модернизации. (Таким образом процессы транскulturации оказываются под влиянием властной асимметрии). В терминах латиноамериканских культуральных исследований, экстерниорности являются «[гибридными культурами](#)»: их обитатели на повседневном уровне могут опираться на несколько сосуществующих рациональностей – «современных» и «традиционных», коммодифицированных и некоммодифицированных – и могут, например, приписывать современные значения традиционным практикам и исторически конкретные смыслы новым практикам. В мире сосуществует множество видов модерна: множество отличных друг от друга и постоянно изменяющихся гибридных культур, в которых существенную роль играют формы, присущие модерну.

Категория экстерниорности справедливо подчеркивает, что способы мышления, чувствования, бытия и оценивания отличаются в зависимости от места. Отличия особенно заметны между (несомненно гетерогенными) центрами и перифериями мир-системы. Однако принимая близко к сердцу озабоченность постмодернистов, мы должны признать, что отношения между локальностями являются пористыми и динамичными. Мы не должны романтизировать экстерниорные сообщества и оставлять без внимания тех, кто, находясь на Глобальном Севере или на Западе вовлекаются в практики, смыслы которых выходят за пределы так называемых «модерных» рациональностей (мы имеем в виду, например, практики заботы). Как имманентная, так и аналектическая версии критики требуют ясного понимания глобальных структур, т.е. их тотальности (всеохватности). Однако выдвигая на передний план экстерниорность, аналектика обращает наше внимание на огромное множество нормативных ресурсов критики, которые имеют всемирное распространение, особенно в периферийных локальностях, и на множество потенциальных путей трансформации, которые они предлагают. ■

Адрес для связи: [<patricia.cipollitti@gmail.com>](mailto:patricia.cipollitti@gmail.com)

> Индустрия культуры:

Повестка (политических) исследований в Критической Теории

Бруна Делла Торре де Карвальо Лима, Франкфуртский университет, Германия, и Университет Кампинаса, Бразилия

| Иллюстрация: Арбу, 2023.

> Адорно и индустрия культуры

‘Индустрия культуры’ - понятие неоднозначное. Несмотря на многочисленные оговорки Теодора Адорно относительно использования выражения “массовая культура” в качестве аналога понятия “индустрия культуры”, последнее до сих пор принято отождествлять с (огромной) совокупностью культурных благ. Во многих отраслях социологии “индустрия культуры” или какой-то ее аспект стал синонимом культурных товаров, таких как телевидение или радио. В своих спорах с Гельмутом Беккером Адорно предупреждал, что не следует рассматривать телевидение отдельно, а только в совокупности с остальными элементами системы индустрии культуры: изучение индустрии культуры ограничено только эмпирически, потому что ее воздействие может быть ощутимо только через десятилетия. Однако в “[Диалектике просвещения](#)” Адорно и Макс Хоркхаймер описывают индустрию культуры как “систему”, состоящую из “радио, кино и журналов”. Это эстетическая и культурная система, но, пожалуй, главным

образом - система социализации, аппарат, производящий желания и идентификацию с реальностью. Эта концепция включает в себя трудовой аспект, который не учитывается в научных исследованиях, поскольку она является аналогом работы: обратным зеркалом фордистского общества. Однако это еще и политическая теория культуры.

> Средства массовой информации и подъем фашизма

Картелизация культуры в период Веймарской республики и ее концентрация в руках реакционеров, олицетворяемых Альфредом Гугенбергом, заставили Адорно задуматься о связи между средствами массовой информации и возникновением фашизма. С одной стороны, радио трансформировало антидемократическую агитацию, с другой - социальная форма индустрии культуры, через которую происходит подрыв субъективности и идентификация с суперзвездами, открыла дорогу фашистским политическим лидерам, выступая в качестве “незаинтересованной и надпартийной инстанции”.

>>

В работе “[Аспекты нового правого экстремизма](#)” Адорно комментирует подъем НДПГ (Национально-демократической партии Германии), секрет успеха которой был связан с понятием “организация”. НДПГ представляла себя как движение вне всякого партийного сектанства. Это “движение” имитировало отрыв от традиционной формы “партии”, отличной от политических и экономических интересов, которыми руководствуется институциональная *Realpolitik*. Более того, оно делало это с помощью пропаганды, утверждает Адорно. Из его размышлений можно вывести исходный тезис: новой “организацией” может стать индустрия культуры. Такая индустрия может заменить массовую партию в структурировании и распространении фашизма.

Хотя Адорно сделал “индустрию культуры” исследовательской программой всей своей работы, даже он не мог предвидеть, какие масштабы и размах может принять эта система.

> **Беспристрастный авторитет Интернета вытесняет старую политику**

До появления Интернета антидемократические агитаторы должны были лично посещать школы, церкви, радиостанции, заводы, телестудии и т.д. Во всех этих сферах доступ регулировался определенными правилами и был ограничен. Культурная индустрия при фордизме уже была одним из главных инструментов фашизма, приводя уличного агитатора через радио в гостиную. Однако она не заняла место партии. Новейшее развитие производительных сил, т.е. появление и значимость социальных сетей, разрушило все барьеры на пути такого рода агитации, делегитимизировав даже самые традиционные средства коммуникации и выведя традиционную массовую партию из поля зрения. Социальные сети демонстрируют БОльшую социальную капиллярность, чем та, о которой когда-либо мечтала любая организация.

Инфраструктура, о которой идет речь, создала и материальную основу этой “индустрии цифровой культуры”, и ту “культурную” форму, которую она принимает. Бинарное устройство “нравится/не нравится”, эффект блокировки, связанный с монополизацией, манипулирование эмоциями с помощью таргетированной рекламы и многие другие хорошо известные особенности стали моделью виртуального общения и связанных с ним форм социализации, не говоря уже об использовании таких стратагем, как боты, для целей политического манипулирования в социальных сетях и медиа.

Кроме того, успех нового правого радикализма обусловлен тем, что индустрия культуры в ее цифровом варианте продолжает представлять себя как “незаинтересованный авторитет”. Ее экономический характер скрыт за “бесплатностью” ее продуктов и становится еще более

туманным из-за того, что именно мы производим и распространяем большую часть контента, питающего ее. В качестве “незаинтересованного авторитета” он не только представляет себя как нечто, “парящее” над традиционными партиями, но и становится идеальным проводником правых движений, стремящихся предстать в качестве альтернативы старой политике.

> **Новый правый радикализм и социальные сети**

Таким образом, налицо конвергенция между всеобъемлющим объективным аппаратом и моделью субъективации, которая в значительной степени благоприятствует крайне правым. Новый правый радикализм мобилизует политику, неспособную к диалогу и рефлексии, которая тесно связана с особенностями социальных сетей, в частности, благодаря следующим механизмам: политике привлечения внимания, способствующей радикализации через использование эмоциональных приманок; способности создавать ощущение политического участия; алгоритмам, которые выбирают, что потребляют люди, что, в свою очередь, порождает кругооборот контента и исключение всего разнообразного, способствуя формированию внутренних (*in-groups*) и внешних групп (*out-groups*). Как отмечает [Джозеф Фогль](#) в отношении платформ, индустрия цифровой культуры становится парадемократической.

Эти элементы, помимо прочего, усиливают локальные авторитаризмы, основы которых могут быть чрезвычайно разнообразны, расширяя их и делая значимыми для политической жизни. На Глобальном Юге, где демократия исторически ослаблена колониализмом, влияние культурной индустрии может быть еще более глубоким, что раскрывает недостаточно изученную грань этого понятия - его империалистическое развертывание. В этом смысле культурная индустрия может быть также теорией культурного империализма.

Рост ультраправых во всем мире возродил интерес к исследованиям Франкфуртской школы, посвященным авторитаризму. Тем не менее, “индустрия культуры” не рассматривается как важнейшее понятие для понимания этого феномена. Будущее критической теории (и всего мира), несомненно, связано с расширением, радикальным пересмотром и дальнейшим развитием представлений о том, как работает индустрия культуры. И наша критическая задача по-прежнему состоит в том, чтобы не быть в согласии с миром. ■

Адрес для связи: brunadt@unicamp.br

> К критической теории мирового общества

Эстебан Торрес, Национальный университет Кордовы, Аргентина

Иллюстрация: Арбу, 2023.

Credit: Neel, Unsplash.

Основной опыт создания критической теории в Западном полушарии пришелся на период с 1920-х по 1960-е годы во Франкфурте-на-Майне и Нью-Йорке, в сообществе Института Социальных Исследований (IfS). В осажденном сердце IfS пульсировали работы Хоркхаймера, Адорно и Маркузе. В истории Латинской Америки, напротив, важнейшее ядро создания критической теории сформировалось в 1960-1970-е годы в области социологии и экономики. Здесь наиболее яркими авторами были Рауль Пребиш, Фернандо Х. Кардозо, Дарси Рибейро, Руй Мауро Марини. Эти два течения критической теории существенно различаются, поскольку структурные проблемы, которые они поднимали, сильно отличались друг от друга, а исторический опыт интеллектуалов, участвовавших в их развитии, был совершенно разным. Кроме того, латиноамериканское течение развивалось в связке с политикой большинства. Только признание уникальной определяющей силы конкретного исторического места на интеллектуалов и их критические теории, может объяснить существование такого большого разрыва между

двумя течениями, имеющими немецкую ДНК и считающими Маркса и Вебера своими основными теоретическими источниками.

> Исторический опыт и структурная проблема

Каждая критическая теория формируется на пересечении определенного исторического опыта и какой-то структурной проблемы. Различение этих аспектов полезно для определения того, когда критическая теория начинает терять свою способность к познанию, способствующему критике и социальным преобразованиям. Исторический опыт нацизма, в особенности уничтожения евреев, привел франкфуртский проект к тому, что главной структурной проблемой стала утрата индивидуальной свободы. Без неизгладимых шрамов, оставленных этим опытом, Критическая Теория, созданная Франкфуртской школой, была бы совсем другой. Проблема структурной зависимости Латинской Америки от стран ядра мир-системы приобрела теоретическую и критическую форму в период подъема

>>

региона, когда стало ясно, что европейские рецепты в отношении периферийных стран терпят полное фиаско. Структурная зависимость стала серьезным препятствием, которое вступало в противоречие с оптимистическим опытом восходящей эволюции. Латиноамериканская социальная теория становится критической в связи с поражением в битве за индустриализацию. Тем не менее, она сохраняет позитивный импульс, основанный на рациональной вере в возможность построения не пост-капиталистического, а пост-периферийного общества. Эта теория не была ни чисто негативной, ни чисто позитивной, как и утверждало учение Маркса. Я говорил о двух разных структурных проблемах, которые сохраняются до сих пор и связаны с двумя историческими опытами. Преодоление проблем несвободы и сохраняющейся отсталости требует создания новых критических теорий, учитывающих современный исторический опыт формирования всемирного общества (мундиализации).

> Современные уклоны: антиисторизм, антиполитика и сепаратизм

Большинство критических теорий, циркулирующих в настоящее время в Латинской Америке и Европе, кажется, утратили свою силу. На мой взгляд, это произошло из-за усиленного воспроизводства трех доминирующих интеллектуальных девиаций и устойчивого редукционизма. Эти девиации — анти-исторический уклон, антиполитический уклон и сепаратистский уклон. Первый из этих уклонов обусловлен игнорированием роли исторического опыта в теоретических определениях структурных проблем, а также в формировании повестки социальных исследований. Антиполитический уклон предполагает превращение критики в самоцель. И третий уклон, сепаратистский, проявляется в двух противоположных практиках: автономизации критической теории от социологических исследований и проведении социальных исследований без критической теории общества и, прежде всего, без теории капитализма. Последний аспект Хоркхаймер и Адорно назвали “социологией без общества”. Наконец, долгосрочный редукционизм связан с повсеместным воспроизводством европоцентристского взгляда на общество. Понятная изначальная ограниченность этого доминирующего и самореферентного видения превращается в иррациональную слепоту, которая проявляется, прежде всего, в поразительном отрицании процесса мундиализации обществ, который начал свое неуклонное шествие в середине XX века под влиянием национально-освободительных движений на периферии, деколонизации в ее продвинутой фазе и подъема блока Азиатских стран.

> Встреча Франкфурта с латиноамериканской социологией

Процесс мундиализации — это тот исторический опыт, который позволяет преодолеть разрыв между франкфуртской и латиноамериканской традициями. Первоначальный опыт диалога между двумя течениями критической теории может создать базовые интеллектуальные ресурсы для преодоления препятствий, о которых говорилось выше. При правильном подходе обе традиции представляют собой противоядие антиисторическому уклону. Так, Хоркхаймер, Маркузе и латиноамериканские неомарксисты предлагают инструменты для противодействия антиполитическому уклону. Аналогичным образом, для преодоления сепаратистского уклона необходима интеграция вклада первоначального Франкфуртского проекта и глубокой критики позитивизма Адорно и Хоркхаймера. И, наконец, для реализации реконструктивного проекта, полностью разрушающего европоцентризм, необходимо обратиться к достижениям латиноамериканского течения критической теории.

Для того чтобы окончательно преодолеть перечисленные препятствия и вернуть критике жизненную силу, необходима смена парадигмы, позволяющая разрабатывать новые критические теории мирового сообщества. Под этим я понимаю теоретическую практику, которая должна быть осмыслена как неотъемлемый момент процесса социального исследования, критика, которая должна быть приведена в действие усилиями науки, а затем выверена стратегией реальных социальных преобразований. Более того, необходимо сконструировать идею пост-европоцентричного всемирного общества, понимаемого как высшее единство, реализуемое во взаимодействии трех плоскостей: а) отношений между национальной, региональной и глобальной сферами, б) отношений между центром и периферией, в) отношений между модерном и немодерном.

Новая интеллектуальная программа IfS, возглавляемая Стефаном Лессенихом, является самой амбициозной навигационной картой, составленной Франкфуртской школой с 1923 г., поскольку она определяет структурные проблемы, вписывает себя в исторический опыт мундиализации и принимает на себя научную, критическую и политическую ответственность за процесс социальной трансформации, выходящий далеко за пределы Европы. ■

Адрес для связи: <e.torres@em.uni-frankfurt.de>

> Консенсус по декарбонизации

Брено Брингель, Государственный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия, и Мадридский университет Комплутенсе, Испания; **Маристелла Свампа**, CONICET и Центр документации и исследований левой культуры, Аргентина

Полет на аэростате Пача (Салинас-Грандес и Лагуна Гуайятайок, провинция Жужуй, Аргентина 2020). Ист.: Фонд аэростата и судия Томаса Сарасено.

В последние годы проблема социально-экологического перехода превратилась из разряда проблем, которыми занимаются только активисты и ученые, в одну из центральных тем современной политической и экономической повестки. Однако здесь возникают два важных вопроса. Во-первых, перед лицом неотложной задачи декарбонизации наблюдается тенденция сводить социально-экологический переход, интегральное понимание которого должно охватывать энергетический, производственный, продовольственный и городской уровни, к энергетическому переходу. Второй вопрос касается того, как будет осуществляться энергетический переход, и кто будет оплачивать его стоимость.

Энергетический переход, осуществляемый в основном крупными корпорациями и правительствами стран Глобального Севера в направлении якобы “чистой” энергетики, усиливает давление на страны Глобального Юга. Для того, чтобы Китай, США и Европа могли постепенно отказываться от ископаемого топлива, приносятся в жертву

>>

огромные территории на периферии. Можно привести несколько примеров такой динамики: добыча кобальта и лития для производства высокотехнологичных батарей электромобилей приводит к негативным последствиям в так называемом “литиевом треугольнике” Латинской Америки и Северной Африки. Растущий спрос на бальзовое дерево эквадорской Амазонии для строительства ветряных турбин, востребованных Китаем и европейскими странами, разрушает сообщества, территории и биоразнообразие. Новые тендеры на мегапроекты по созданию солнечных батарей и водородной инфраструктуры приводят к еще большему захвату земель.

В активистской и критической науке этот процесс стал известен как “зеленый экстрактивизм” или “энергетический колониализм”: это новая динамика капиталистической добычи и присвоения сырья, природных ресурсов и рабочей силы, особенно на Глобальном Юге (хотя и не только), которая сопровождает переход к “зеленой” энергетике. Энергетический колониализм является центральным элементом нового капиталистического консенсуса, который мы определим как консенсус декарбонизации.

> Что такое декарбонизационный консенсус?

Декарбонизационный консенсус — это новое глобальное соглашение, выступающее за переход от энергетической системы, основанной на использовании ископаемого топлива, к безуглеродной (или низкоуглеродной) системе, основанной на “возобновляемых” источниках энергии. Его лейтмотивом является борьба с глобальным потеплением и климатическим кризисом, стимулирующая энергетический переход, которому способствуют электрификация потребления и цифровизация. В основе этого консенсуса лежит общепризнанная общая цель. Кто может возражать против декарбонизации и климатической нейтральности в мире, находящемся на грани коллапса? Главный вопрос заключается не в том, что делать, а в том, как это делать.

Целями этой гегемонной декарбонизации являются не деконцентрация энергосистемы, забота о природе или глобальная климатическая справедливость, а другие мотивы, такие как привлечение новых финансовых стимулов, снижение энергозависимости некоторых стран, расширение рыночных ниш или улучшение имиджа компаний. Декарбонизация не рассматривается как часть более широкого процесса изменения метаболического профиля общества (его моделей производства, потребления, обращения товаров и образования отходов), а как самоцель. Несмотря на то, что признается серьезность климатической проблемы, нынешняя политика не только недостаточна, но и имеет серьезные негативные последствия, поскольку эксплуатация природных ресурсов усиливается, а идеология неограниченного экономического роста сохраняется.

Декарбонизационный консенсус постоянно мобилизует дискурс технологического потенциала и инноваций. В то же время он открыто пропагандирует “зеленый бизнес”, “климатическое финансирование”, “решения, основанные на защите природы”, “климатически разумную добычу ископаемых”, “углеродные рынки” и различные формы спекулятивных инвестиций. Одним словом, предлагается

тип перехода, основанный на меркантилистской логике и гиперцифровом интерфейсе, порождающий новые товары и изощренные формы социального и территориального контроля.

Под другим углом зрения, в рамках риторики “устойчивости” возникает новая фаза экологического отчуждения Глобального Юга, затрагивающая жизни миллионов людей и нечеловеческих разумных существ, еще больше нарушающая биоразнообразие и разрушающая стратегические экосистемы. Глобальный Юг вновь становится кладовой якобы неисчерпаемых ресурсов, из которых извлекаются стратегические полезные ископаемые, необходимые для энергетического перехода Глобального Севера. Глобальный Юг становится также местом, куда попадают отходы и загрязнения, порожденные этой новой “промышленной революцией”

> Зеленый колониализм и двойное послание

Консенсус по декарбонизации характеризуется экологическим империализмом и зеленым колониализмом. Он мобилизует не только практику, но и неокOLONIAльное экологическое воображение. Например, правительства и компании часто используют представления о “пустом пространстве”, характерные для имперской геополитики. Если в прошлом эта идея, дополняющая ратцелевское понятие “жизненного пространства” (*Lebensraum*), порождала экоцид и этноцид коренного населения, а затем служила для продвижения политики “освоения” и “колонизации” территорий, то сегодня она используется для оправдания территориальной экспансии в целях инвестиций в “зеленую” энергетику.

Таким образом, большие участки земли в малонаселенных сельских районах рассматриваются как “пустые пространства”, пригодные для строительства ветряных мельниц или водородных станций. Эти геополитические образы корпоративных переходов воспроизводят колониальные отношения, которые нельзя рассматривать только как навязывание извне, с Севера на Юг. Во многих случаях речь идет о своеобразном “внутреннем зеленом колониализме”, который создает условия для развития зеленого экстрактивизма на основе колониальных альянсов и отношений между отечественными и глобальными элитами. Мы также должны признать, что во имя “зеленого перехода” консенсус по декарбонизации также создает давление на территории Глобального Севера. Однако это давление не сравнимо с эффектами и масштабом подобных процессов на глобализованной периферии.

Более того, темпоральность и способ реализации декарбонизационного консенсуса вызывают противоречия даже среди его сторонников. Усугубление шизофренического поведения и политики, или, выражаясь термином Грегори Бейтсона (см. его книгу *Steps to an Ecology of Mind* [Шаги к экологии разума]), “двойное послание” — это, по-видимому, признак цивилизационного кризиса. Есть те, кто, признавая ее важность, стремятся отсрочить декарбонизацию, добывая все до последней капли нефти, как это делают многие добывающие компании, и лоббируют такой подход в правительствах. Примером может служить заявление президента США Джо Байдена, который, в соответствии со своими предвыборными обещаниями, в марте 2023 г. одобрил проект Willow, позволяющий расширить нефтяную границу в Арктике на

Аляске, поставив тем самым под угрозу крайне хрупкую экосистему, которая и так страдает от таяния льдов в результате глобального потепления. Другой пример - Европейский Союз, который, стремясь расширить Европейский Зеленый Пакт, в середине 2022 года решил вернуться к использованию угля, используя в качестве предлога энергетический кризис, вызванный войной в Украине.

Консенсус по декарбонизации ограничивает горизонт борьбы с изменением климата тем, что бразильская исследовательница Камила Морено называет [углеродной метрикой](#): ограниченный способ количественной оценки углерода, основанный только на молекулах CO₂, который предлагает своего рода валюту для международного обмена, создавая иллюзию, что что-то делается против деградации окружающей среды. Таким образом, скрывается основная проблема, и мы не только продолжаем загрязнять окружающую среду, но и само загрязнение становится новым поприщем для бизнеса (например, через торговлю компенсациями выбросов). Природные и экологические пределы планеты по-прежнему игнорируются, поскольку никаких запасов лития или критических минералов не хватит, если не изменить модели мобильности и модели потребления.

В связи со всем вышесказанным переход не может быть сведен только к изменению энергетической матрицы, гарантирующей преемственность неустойчивой модели. Предлагая краткосрочный корпоративный энергетический переход, консенсус по декарбонизации сохраняет гегемонную модель развития и ускоряет метаболический крах, отдавая предпочтение сохранению нынешнего образа жизни и потребления, особенно в странах Севера и наиболее богатых секторах мировой экономики. Таким образом, пост-ископаемая логика, продвигаемая консенсусом по декарбонизации, ведет к корпоративному, технократическому, неоколониальному и неустойчивому переходу.

> Преемственность с предыдущими капиталистическими консенсусами: неизбежность, корпоративный захват и экстрактивизм

Рассмотрим консенсус по декарбонизации с точки зрения социально-исторического процесса. Мы видим преемственность с предыдущими капиталистическими консенсусами, а именно с Вашингтонским и [сырьевым](#) консенсусами. Во-первых, во всех случаях воспроизводится дискурс неизбежности, который утверждает, что альтернативы этим консенсусам нет. Так, например, сырьевой консенсус был построен на идее согласия с необратимым характером экстракционистской динамики, обусловленной растущим мировым спросом на сырье, с целью закрыть возможность других альтернатив. Аналогичным образом консенсус по декарбонизации сегодня стремится сформировать представление о том, что, учитывая остроту проблемы климата, других возможных переходов не существует и единственным “реалистичным” является корпоративный переход.

Во-вторых, все эти консенсусы предполагают значительную концентрацию власти в руках недемократических акторов (крупных корпораций, финансовых игроков и международных

организаций), что подрывает любую возможность демократического управления, тем более в контексте “перехода”. У этой тенденции есть два следствия. С одной стороны, мы видим захват корпорациями пространства управления. Такие площадки, как Конференция сторон (КС), которая, будучи высшим органом Рамочной конвенции ООН об изменении климата, должна быть многосторонним форумом для продвижения борьбы с изменением климата, все больше превращаются в деловую ярмарку “зеленого” капитализма, поддерживающую энергетические отношения между Севером и Югом. С другой стороны, наблюдается интенсивная концентрация власти крупных компаний от начала и до конца глобальных цепочек.

В-третьих, постоянный поиск путей расширения капиталистических границ предполагает продвижение мегапроектов, направленных на контроль, добычу и экспорт природных ресурсов. Для осуществления этой цели четко прослеживается стремление гарантировать “правовую безопасность” капитала с помощью нормативно-правовой базы, обеспечивающей максимальную прибыльность корпораций. Например, новые двусторонние торговые соглашения, переговоры по которым ведет Европейский Союз (ЕС), включают разделы, посвященные энергетике и сырью, которые гарантируют доступ к важнейшим для переходного периода полезным ископаемым. В этой связи ЕС недавно представил предложение по изменению *Постановления о критических сырьевых материалах (CRMR)*, якобы направленное на обеспечение надежных и устойчивых поставок критического сырья в ЕС. Однако, как отмечается в [отчете SOMO](#), предлагаемая стратегия ЕС не приведет к устойчивому снабжению Европы важнейшими минеральными ресурсами, поскольку она усилит риски в отношении прав человека и окружающей среды, подорвет экономическую динамику в странах-партнерах и продолжит укреплять неустойчивое потребление в богатых странах.

> Новые черты: меж-имперская конкуренция, энергетическая безопасность и климатический колониализм

Помимо преемственности, в новом консенсусе есть и новые черты. Существенной чертой декарбонизационного консенсуса является сложность неоколониальных отношений в многополярном мире, характеризующемся меж-имперской конкуренцией. Не только Европейский Союз, не обладающий критически важными минеральными ресурсами, стремится получить к ним прямой доступ. Несмотря на их наличие, Китай занимает очень выгодное положение на Глобальном Юге, где на протяжении почти двух десятилетий осуществляет агрессивные инвестиции в стратегические добывающие отрасли, поддерживая с ними отношения, отличные от тех, которые установлены в США и Европе.

Одна из особенностей новой зависимости, которую Китай формирует у стран Латинской Америки и Африки, являясь ведущим торговым партнером почти всех из них, заключается в том, что хотя его инвестиции носят долгосрочный характер и осуществляются в различных секторах (агробизнес, горнодобывающая промышленность, нефтяная отрасль или инфраструктура, связанная с добычей), в плане передачи технологий - особенно в части “зеленого” перехода - он,

как правило, использует передовые китайские технологии, которые иногда также включают китайскую рабочую силу.

Меж-имперские торги завершаются с США. Хотя в заявлениях Госдепартамента эти вопросы вроде бы не фигурируют, глава Южного командования Лора Ричардсон неоднократно давала понять, что Соединенные Штаты проявляют стратегический интерес к Южной Америке (в частности, в отношении воды, нефти, лития). Наконец, добавим, что Россия, в других отношениях выступающая в качестве гегемонного актора многополярного мира, в области дебатов об энергетическом переходе далеко отстает от упомянутых выше держав.

Еще одним существенным отличием между этими тремя консенсусами является роль государства. Известно, что Вашингтонский консенсус характеризовался минимальной государственной логикой, а сырьевой консенсус поддерживал умеренно регулируемое государство, но в тесном союзе с транснациональным капиталом. В свою очередь, консенсус по декарбонизации, похоже, демонстрирует появление нового типа, планирующего неогосударства - в некоторых случаях напоминающего экокorporативное государство, - которое сочетает “зеленый” переход с поощрением государственно-частных фондов и финансиализацией природы. Зеленые преобразования, осуществляемые государственными институтами и государством, имеют тенденцию к сближению, облегчению и слиянию с корпоративными преобразованиями в динамике подчинения государственного сектора частным интересам. Однако в некоторых случаях, характеризующихся интенсивными протестными циклами, государство может стремиться вернуть себе относительную автономию,

содействуя экосоциальным переходам, способствующим децентрализации и деконцентрации корпоративной власти.

Аналогичным образом, хотя сырьевой консенсус и консенсус по декарбонизации имеют экстракционистскую логику, спектр спроса на продукты и полезные ископаемые расширился. В первом случае это, прежде всего, продукты питания, углеводороды и такие полезные ископаемые, как медь, золото, серебро, олово, бокситы и цинк. Кроме того, в центре внимания оказываются так называемые критические минералы, необходимые для энергетического перехода, такие как литий, кобальт, графит, индий и другие, а также редкие земли. В обоих случаях добыча и экспорт сырья приводят к катастрофическим последствиям с точки зрения разрушения окружающей среды и возникновения зависимости. Однако важнейшим аспектом, отличающим “зеленый” экстрактивизм от прежнего, является дискурс, используемый для его легитимации, поскольку продвигающие его участники утверждают, что он является устойчивым и единственно возможным способом решения климатической проблемы.

Подводя итог, следует отметить, что в последние годы климатическая и экологическая повестка претерпела значительные изменения. Помимо классических врагов появились новые: консенсус по декарбонизации становится более сложной и изощренной структурой, противостоять которой должны общественные движения и альтернативы. ■

Адреса для связи <brenobringel@iesp.uerj.br> / Twitter: [@brenobringel](https://twitter.com/brenobringel), <maristellasvampa@gmail.com> / Twitter: [@SvampaM](https://twitter.com/SvampaM)

> Энергетический переход в Северной Африке:

КОЛОНИАЛИЗМ, ЛИШЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ И ЭКСПРОПРИАЦИЯ

Хамза Хамушен, Транснациональный институт и Алжирская Кампания Солидарности, Алжир

Оарзат, солнечная электростанция в Марокко. Ист.: iStock, 2022.

Некотрые переходы к возобновляемым источникам энергии могут носить экстракционистский характер и поддерживать существующие практики лишения собственности, зависимости и гегемонии. Можно привести несколько примеров этих процессов в североафриканском регионе (в частности, в Марокко). Все они показывают, как энергетический колониализм воспроизводится с помощью “зеленого колониализма” или “зеленого захвата”.

Задача увеличения доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе страны до 52% к 2030 г., поставленная правительством Марокко, сточки зрения масштаба заслуживает одобрения. Однако необходимо провести критическую оценку того, насколько для нас действительно важен не просто

>>

переход, а “справедливый переход”, который принесет пользу обедневшим и маргинализированным слоям общества, а не усугубит их социально-экономическое отчуждение.

Солнечная электростанция в Уарзазате была запущена в 2016 году, накануне климатических переговоров (COP22), проходивших в Марракеше. Ее назвали крупнейшей в мире солнечной электростанцией, а марокканскую монархию провозгласили поборником возобновляемых источников энергии. Но если немного присмотреться, то можно увидеть иную картину. Во-первых, станция была установлена на землях (3 тыс. га) скотоводческих общин амазигов без их согласия и одобрения, что представляет собой захват земель в угоду якобы “зеленым” целям (“green grab”). Во-вторых, этот мегапроект контролируется частными интересами и был построен за счет привлечения огромного долга Всемирного банка, Европейского инвестиционного банка и других организаций, составляющего 9 млрд. долл. Этот долг обеспечен гарантиями правительства Марокко, что потенциально означает увеличение государственного долга без того перегруженной страны. В-третьих, проект не является настолько экологичным, насколько он заявляет о себе. Использование концентрированной солнечной энергии (CSP) требует значительного расхода воды для охлаждения и очистки панелей. В таком полусухом регионе, как Уарзазат, [отвлекать воду от питьевого и сельскохозяйственного использования просто возмутительно](#).

Проект “Нур Мидельт” представляет собой вторую фазу плана развития солнечной энергетики Марокко и призван обеспечить большую энергетическую мощность, чем станция в Уарзазате. Он представляет собой гибриды CSP и фотоэлектрической (PV) электростанции. Планируемая мощность первой очереди - 800 МВт - станет одним из самых значительных в мире солнечных проектов, сочетающих технологии CSP и PV. В мае 2019 года консорциум в составе EDF Renewables (Франция), Masdar (ОАЭ) и Green of Africa (марокканский конгломерат) выиграл тендер на строительство и эксплуатацию объекта в партнерстве с Марокканским агентством по солнечной энергии (MASEN) в течение 25 лет. На реализацию [проекта](#) привлечено более 2 млрд долларов США от Всемирного банка, Африканского банка развития, Европейского инвестиционного банка, Французского агентства развития и KfW.

Реализация проекта началась в 2019 году, а ввод в эксплуатацию ожидается в 2024 году. Солнечный комплекс «Нур Мидельт» строится на участке площадью 4141 га на плато Верхняя Мулуя в центральной части Марокко, примерно в 20 км к северо-востоку от города Мидельт. Территория площадью 2714 га имеет статус общинных/коллективных земель и находится под управлением трех этнических сельскохозяйственных общин – Аит Уфелла (Ait Oufella), Аит Раху Уали (Ait Rahou Ouali) и Аит Массуд Уали (Ait Massoud Ouali). В то же время примерно 1427 га считались лесными угодьями и также находились в ведении общин. Однако эти земли были конфискованы у владельцев в соответствии с национальными законами и нормативными актами, допускающими экспроприацию в общественных интересах. В январе 2017 г. административный суд вынес решение об экспроприации в пользу MASEN, а в марте 2017 г. решение суда было предано гласности.

> Колониальный экологический нарратив

Напоминая о продолжающемся колониальном экологическом нарративе, согласно которому экспроприруемые земли считаются маргинальными и малоиспользуемыми, а значит, пригодными для инвестиций в “зеленую” энергетику, Всемирный банк в [исследовании](#), проведенном в 2018 г., подчеркнул, что “песчаная и засушливая местность позволяет произрастать лишь мелкому кустарнику, а для развития сельского хозяйства земля непригодна из-за недостатка воды”. Этот нарратив использовался и при продвижении завода в Уарзазате в начале 2010-х годов. [Один из собеседников тогда сказал](#):

“Люди из проекта говорят об этой местности как о пустыне, которая не используется, но для людей, живущих здесь, это не пустыня, а пастбище. Это их территория, и их будущее - в этой земле. Когда вы забираете мою землю, вы забираете мой кислород.”

Отчет Всемирного Банка не останавливается на достигнутом и утверждает, что “изъятие земель для реализации проекта не окажет влияния на жизнедеятельность местного населения”. Однако представители племени скотоводов-трансгуманистов Сиди Айяд, которые веками использовали эти земли для выпаса скота, не согласны с этим. Хасан Эль Гази, [молодой пастух, заявил в 2019 году](#) активисту АТТАС Марокко:

“Наша профессия - скотоводство, и теперь этот проект захватил нашу землю, на которой мы пасем овец. Нас в проект не нанимают, а нанимают иностранцев. Земля, на которой мы живем, захвачена. Они разрушают дома, которые мы строим. Нас притесняют, и регион Сиди-Айяд притесняют. Его дети угнетены, их права и права наших предков утрачены. Мы - “неграмотные”, не умеющие читать и писать... Дети, которых вы видите, не ходили в школу... Дороги и тропинки отрезаны... В итоге нас не замечают, и мы для них не существуем. Мы требуем, чтобы чиновники обратили внимание на нашу ситуацию и на наши регионы. Мы не существуем при такой политике, и становится лучше умереть, лучше умереть!”

> Протесты и сопротивление

В условиях бесправия, бедности, отсталости и социальной несправедливости жители Сиди-Айяда с 2017 года выражают свое недовольство акциями протеста. В феврале 2019 года они провели открытую сидячую забастовку, за участие в которой был арестован член Союза мелких фермеров и работников лесного хозяйства Саид Оба Мимун, приговоренный к двенадцати месяцам тюремного заключения.

Мостефа Абу Кбир, другой профсоюзный деятель, поддерживающий борьбу племени Сиди Айяд, рассказал о том, как земля была огорожена без согласования с местным населением, десятилетиями переживавшим социально-экономическую изоляцию. Она была огорожена забором, и никому не разрешается приближаться к ней. Он противопоставляет мегапроекты по развитию, осуществляемые марокканским государством, отсутствию базовой инфраструктуры в Сиди-Айяде. Более того, он указывает на еще один аспект огораживания и захвата ресурсов: ожидается сокращение водных ресурсов в регионе

>>

Драа-Тафилалет в результате этих мегапроектов (солнечная электростанция Мидельт будет питаться от близлежащей плотины Хасана II), которые, как жалуются местные жители, им не выгодны. В этих сложных условиях, когда мелкие владельцы скота вытесняются, а богатство концентрируется в одних руках, когда рынок скота становится товарным, а засухи становятся хроническими, солнечный проект Мидельта может усугубить угрозу существования этих скотоводческих общин и усилить их маргинализацию.

Не только жители Сиди-Айяда высказывают опасения по поводу этого проекта. Некоторые женщины из движения Сулалият (*Soulaliyate*) также отстаивают свое право на доступ к земле в регионе Drâa-Tafilalet и требуют соответствующей компенсации за использование их исконных земель, на которых была построена солнечная электростанция. “Женщины сулалият” – это женщины из племен Марокко, живущие на общинных землях. Это движение зародилось в начале 2000-х годов и стало ответом на интенсивную коммодификацию и приватизацию общинных земель. Женщины племен требовали равных прав и долей при приватизации или разделе земли. Несмотря на запугивания, аресты и даже блокады, предпринимаемые государственными органами, движение распространилось по всей стране, и женщины из разных регионов объединились под знаменем равенства и справедливости.

Несмотря на все эти опасения и проявления несправедливости, проект продолжается, защищенный монархией, ее репрессивным режимом и средствами пропаганды. Логика экстернализации социально-экологических издержек и их перемещения в пространстве и времени, характерная для экстракционистского драйва капитализма, не имеет конца.

> Зеленый колониализм и оккупация в Западной Сахаре

Если некоторые проекты в Марокко, такие как солнечная электростанция в Уарззате и Нур Мидельт, можно квалифицировать как “зеленый захват”, т.е. присвоение земли и ресурсов в якобы экологических целях, то аналогичные проекты в области возобновляемых источников энергии (солнечной и ветровой), реализуемые на оккупированных территориях Западной Сахары, можно с полным основанием назвать “зеленым колониализмом”, поскольку они осуществляются наперекор жителям Сахары и на их оккупированной земле.

Зеленый колониализм можно определить как распространение колониальных отношений грабежа и лишения собственности (а также дегуманизации другого) на “зеленую” эру возобновляемых источников энергии с сопутствующим перекачиванием социально-экологических издержек на периферийные страны и сообщества. Действует та же система, но с другим источником энергии, переходящим от ископаемого топлива к “зеленой” энергии. Сохраняются те же глобальные

энергоемкие модели производства и потребления, остаются нетронутыми те же политические, экономические и социальные структуры, которые порождают неравенство, обнищание и лишение собственности.

В настоящее время в оккупированной Западной Сахаре действуют три ветропарка. Четвертый ветропарк строится в Буждуре, а еще несколько находятся на стадии планирования. В совокупности мощность этих ветропарков составит более 1000 МВт. Эти ветропарки входят в портфель Nareva - ветроэнергетической компании, принадлежащей холдингу марокканской королевской семьи. Около 95% энергии, необходимой марокканской государственной фосфатной компании ОСР для разработки невозобновляемых запасов [фосфатов Западной Сахары](#) в Бу-Краа, вырабатывается ветряными электростанциями. В общей сложности 22 ветряные турбины, изготовленные компанией Сименс, вырабатывают возобновляемую энергию на ферме Foum el Oued мощностью 50 МВт, которая функционирует с 2013 года.

В ноябре 2016 года, во время проведения Конференции ООН по климату COP22, саудовская компания ACWA Power подписала с MASEN соглашение о разработке и эксплуатации комплекса, состоящего из трех фотоэлектрических (ФЭ) солнечных электростанций общей мощностью 170 МВт. Однако две из этих электростанций (действующие сегодня) общей мощностью 100 МВт расположены не в Марокко, а на оккупированной территории (Эль-Ааюн и Буждур). Планируется также строительство третьей солнечной электростанции в Эль-Аргубе, недалеко от Дахлы. Эти проекты в области возобновляемых источников энергии используются для закрепления оккупации путем углубления связей Марокко с оккупированными территориями при попустительстве иностранного капитала и компаний.

В этом контексте принципиально важно видеть, что кроется за языком “чистоты”, “блеска”, “сокращения выбросов углекислого газа” и обратить внимание на материальность перехода к возобновляемой энергетике. Все эти проекты и шумиху вокруг них объединяет глубоко ошибочное представление о том, что любой переход к возобновляемым источникам энергии следует приветствовать и что любой переход от ископаемого топлива, независимо от того, каким образом он осуществляется, имеет смысл. Мы должны со всей ясностью заявить: климатический кризис, с которым мы сейчас столкнулись, вызван не ископаемым топливом как таковым, а его неустойчивым и разрушительным использованием для подпитки капиталистической машины. Таким образом, “зеленый” и справедливый переход должен коренным образом трансформировать и деколонизировать нашу глобальную экономическую систему, которая не соответствует своему назначению ни на социальном, ни на экологическом, ни даже на биологическом уровне. ■

Адрес для связи: <hamza.hamouchene@gmail.com>
Twitter: [@BenToumert](#)

> Зеленый и внутренний КОЛОНИАЛИЗМ в Африке

Нниммо Басси, Фонд “Здоровье Матери-Земли”, Нигерия

Угледобыча в Африке. Ист: iStock, Africanway, 2012.

Зеленый колониализм является продолжением и слиянием политического, экономического и социально-культурного колониализма. Он был построен на основании [глубоко укоренившегося колониализма](#), в соответствии с которым африканские лидеры были запрограммированы на веру, например, в международную систему консервации культурного наследия. Такие лидеры использовали так называемые международные или чужие стандарты для продвижения своих интересов. Помимо консервации крепостей, колониализм продавал местным элитам идею обращения к внешним экономикам за деньгами в обмен на природные материалы и рабочую силу. Неоколониальные государства продолжают эту модель поиска прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые, в первую очередь, производят экстракцию рабочей силы и сырья в обмен на иностранную валюту, стоимость которой устанавливается дистанционно.

Примером того, как колонии попадают в валютные тупики, может служить плантационное сельское хозяйство, в котором произошел переход от культивации продовольственных культур к выращиванию товарных культур. В колониальную эпоху плантационное сельское хозяйство стало продолжением эксплуататорских сельскохозяйственных систем, созданных в условиях рабства. Сегодня плантационное сельское хозяйство продолжает производить экспортные культуры, провоцируя захват земель и не позволяя фермерам производить продукты питания для своих общин. Все усложняется тем, что плантации и монокультуры не только обеспечивают внешние рынки, но и дают биотопливо для машин или биоэнергию. Будь то сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность или ископаемое топливо, африканские лидеры в основном стремятся продать свои товары за иностранную валюту, причем в установлении ее курса они не играют никакой роли.

Структуры, производимые в эпоху колониализма и постколониализма, кардинально изменили социально-экономическую и политическую динамику африканского континента. Зерна ориентации на ренту были посеяны колониализмом и удобрены манипуляциями международных финансовых институтов, таких как Всемирный Банк и Международный Валютный Фонд (МВФ). Долг также стал инструментом, используемым для изменения представлений о развитии и оказания давления на страны, чтобы они стали более открытыми для грабежа. Правительства вынуждены обслуживать внешние долги, удовлетворять потребности в импорте и предоставлять транснациональным корпорациям либеральные экономические условия, включая налоговые льготы, квоты на рабочую силу и свободу репатриации всей прибыли, полученной в результате их операций. Кроме того, они вступают в кровосмесительные партнерские отношения с этими корпорациями, что делает невозможным введение жесткого регулятивного контроля. Нежелание и неспособность африканских правительств контролировать действия корпораций привели к экоцидной эксплуатации, которая уже привела к образованию мертвых зон на некоторых территориях.

Укреплению свободы эксплуатации способствовало также создание зон свободной торговли или особых экономических зон, которые являются анклавами действия правил, отличающихся от тех, которые приняты на других территориях. Одним из видов зон свободной торговли (ЗСТ) являются экспортно-перерабатывающие зоны (ЭПЗ), которые обычно создаются в развивающихся странах правительствами для стимулирования промышленного и коммерческого экспорта. Многие страны рассматривают эти зоны как основной стимул для привлечения прямых иностранных инвестиций. По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в 38 африканских странах насчитывается более 200 специальных экономических зон (СЭЗ). При этом отмечается, что еще как минимум 56 зон находятся в стадии строительства, а другие - на ранней стадии развития. Под ЭЭЗ в Африке отведено около 150 тыс. га земли, а в агропромышленный комплекс, производство и сферу услуг привлечено более 2,6 млрд. долл. инвестиций.

Режим экстракции в обмен на иностранную валюту — это бесконечная история вычитания, не приносящая никакой пользы ни людям, ни планете. Непродуманные произвольно

применяемые принципы защиты прав человека и инициативы по обеспечению прозрачности помогают корпорациям скрывать свою деятельность и экспортировать отходы с помощью коррумпированных политиков. Эту печальную ситуацию предвидел еще Франц Фанон, когда в своей классической книге *The Wretched of the Earth* [Проклятые Земли] отмечал, что колониализм извлекает из Земли природные ресурсы, которые он добывает и экспортирует для удовлетворения потребностей промышленности материнской страны, позволяя тем самым отдельным слоям населения колонии стать относительно богатыми. “Остальная же часть колонии идет по своему пути отсталости и нищеты или, во всяком случае, погружается в них еще глубже” (с. 106).

Фанон видел, как колониальные структуры фрагментируют нации и способствуют экспансии субъективности, тормозящей усилия по построению африканского единства. Фанон показывает, как представители политической элиты начинают рассматривать себя в качестве создателей возможностей развития своих стран, а поиск ренты становится двигателем прогресса. Это объясняет, почему нынешние лидеры так упорно отстаивают позицию, согласно которой добыча ископаемого топлива и других полезных ископаемых для экспорта/обмена на деньги — это право, которое не подлежит обсуждению. Эта динамика также определяет, что экоцид должен быть принят, поскольку нельзя приготовить омлет, не разбив яйца.

Ищущая эксплуатация требует глубокого переосмысления концепции развития. Роль Всемирного Банка и МВФ в принудительной отмене финансирования социальных услуг, включая здравоохранение, образование и экономическую поддержку, посредством печально известных программ структурной перестройки, осмысливается как колониальная манипуляция, которая противоречит здравому смыслу, ведет к регрессу, способствует росту бедности и формирует отсталость. Извращенное влияние этих институтов подчеркивает необходимость обратить пристальное внимание на неравенство властных полномочий, опираясь на экосоциалистический и антиколониальный подход.

> Борьба за ископаемые

В борьбе за африканскую нефть и газ руководство африканских государств видит лишь возможность для своих стран получить выгоду от краткосрочных проектов. Аргумент заключается в том, что расширение добычи позволит повысить доступность энергоресурсов для населения, хотя мы полагаем, что это утверждение является безосновательным, поскольку десятилетия добычи привели лишь к экологическому опустошению и нищете.

Зацикленность на колониальной торговле привела к созданию так называемой “экономики вуду”. В этой системе деньги поступают в страну, где не развито крупное производство и не производится переработка сырья. Такая динамика привела к формированию культуры извлечения ренты или иждивенчества, когда национальные доходы африканских стран зависят от транснациональных добывающих корпораций. Неудивительно, что в Ливии, Алжире, Габоне, Чаде, Анголе и Республике Конго [доходы от продаж нефти](#) составляют не менее 20% ВВП. Более того, хотя

доля нефти и газа в реальном ВВП Нигерии составляет всего 6%, на эти ресурсы приходится 95% валютных поступлений и 80% государственных доходов. Группа стран Африканского Союза использовала переговоры по климату COP27 в Шарм-эль-Шейхе (2022 г.) [для лоббирования расширения добычи ископаемого топлива](#) с целью извлечения выгоды из огромных природных ресурсов, как это якобы сделали более богатые страны. Их аргументы оставляют без внимания критический анализ механизмов присвоения и экстернализации, которые позволили богатым странам воспользоваться этими ресурсами.

Корни захвата ресурсов в Африке неразрывны с колониализмом, поскольку именно он создал основу для безнаказанного грабежа, при необходимости с применением грубой силы. Это означает, что карты природных ресурсов и конфликтов на континенте практически полностью совпадают. Эксплуатация поддерживается национальными армиями, агентами спецслужб и наемниками. Экстракция природных ресурсов ведется буквально за военными щитами, игнорируя права человека и коллективные права.

Описывая ситуацию во Франции, ЮАР и Руанде политический эколог [Патрик Бонд убедительно описывает](#) тревожную ситуацию, связанную с бесконечным стремлением к добыче ископаемого топлива в условиях глобального потепления. “Текущие операции Total в Африке следуют старой схеме: продолжается эксплуатация ископаемого топлива и коррупция экономик, правительств, обществ и окружающей среды развивающихся стран при поддержке французской государственной власти”. В качестве подтверждения своего утверждения он заявляет: “Эммануэль Макрон (президент Франции) наглядно продемонстрировал это в 2021 г., когда настоял на защите газовых активов Total в Мозамбике стоимостью \$20 млрд. с помощью военной интервенции, возглавляемой руандийскими и южноафриканскими солдатами. Субимпериалистическая роль Претории объясняет то, как отчаянно она поддерживает новых нефтяных магнатов, с которыми Total заключила союз с середины 2010-х годов для эксплуатации больших запасов газа и поиска новых месторождений с помощью сейсмических взрывов”.

Бонд описывает две формы сопротивления, которые с 2021 года выступают против возрождения империализма и субимпериализма в отношении ископаемых ресурсов: насильственные конфликты, которые потрясли французскую нефтегазовую мегакорпорацию Total, и экологические и социальные протесты на южноафриканском побережье, которые привели в ярость правительство этой страны.

Особенно интересна роль Франции - страны, сохраняющей жесткий колониальный контроль над франкоязычными странами Африки. Несмотря на то, что на ее территории запрещены гидроразрывные работы и добыча сырой нефти, а также реклама ископаемого топлива, ее нефтегазовый

гигант Total Energies продолжает добычу в других местах. Наиболее известна ситуация в Кабо-Дельгадо (Мозамбик), откуда была осуществлена [первая поставка](#) ископаемого газа во время проведения COP27 в Шарм-эль-Шейхе. Время отгрузки первой партии показывает, что насилие не остановило добычу ресурсов в Африке, так как они часто идут рука об руку. Примером тому служат случаи добычи “кровавых алмазов” в Либерии и продолжающаяся нестабильность в Демократической Республике Конго.

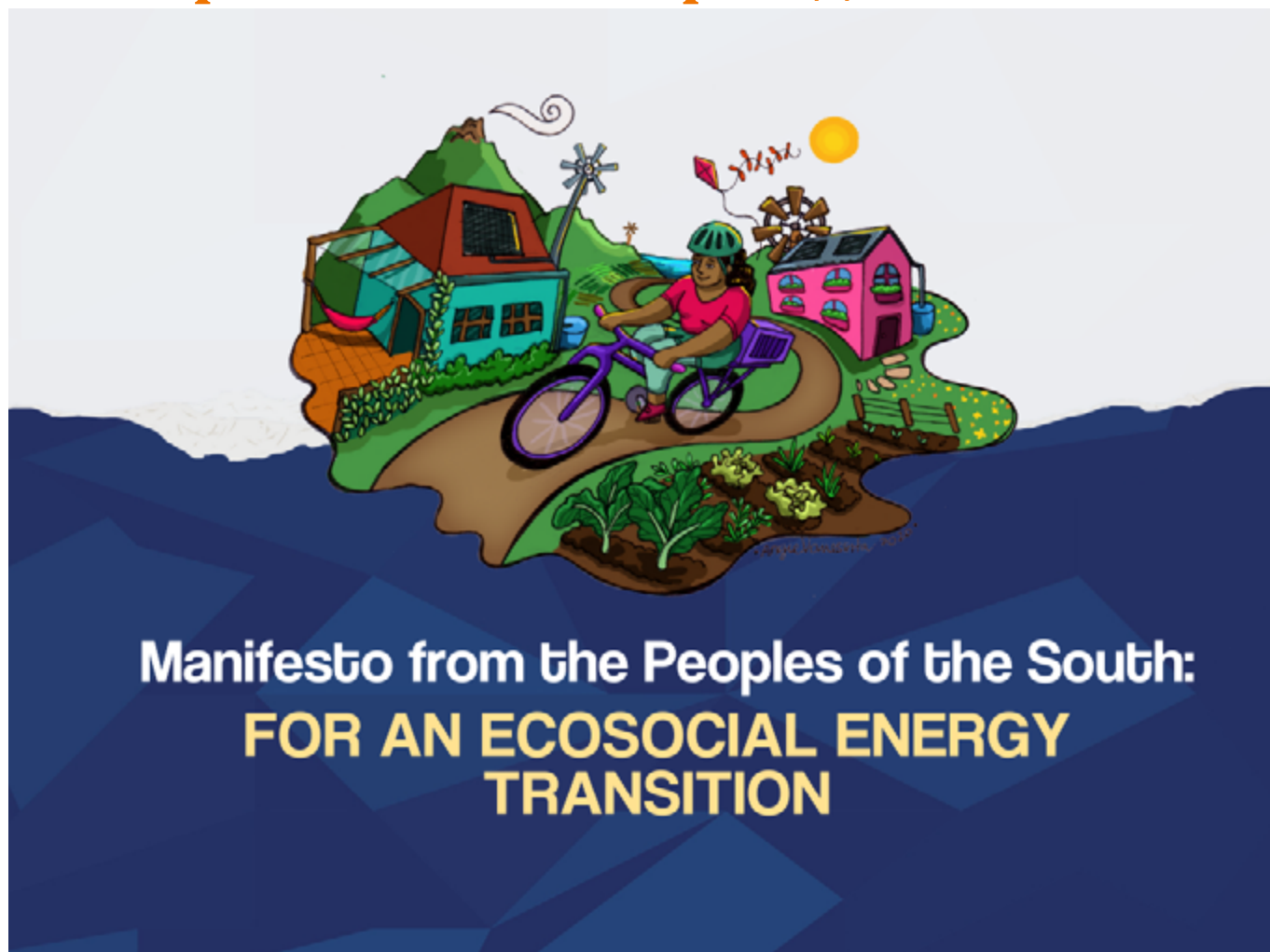
Компания Total является одним из наиболее значимых игроков на Кабо-Дельгадо, когда речь идет о добыче газа. Сухопутный парк Afungi LNG, построенный для бизнеса добычи ископаемого топлива, привел к перемещению более 550 семей для строительства 70-километровой дороги к парку, где есть аэродром, а также очистные сооружения и порт. Прибрежные рыбацкие общины были перемещены в “деревню переселенцев”, расположенную более чем в 10 км вглубь материка, что фактически отрезало их от моря и лишило сельскохозяйственных угодий, рыболовных участков, средств существования, культуры и всего того, что имеет значение для прибрежных общин. На Кабо-Дельгадо расположены [три крупнейших в Африке проекта по производству сжиженного природного газа](#) (СПГ): проект Mozambique LNG (Total, ранее Anadarko) стоимостью \$20 млрд., проект Coral FLNG (ENI и ExxonMobil) стоимостью \$4,7 млрд. и проект Rovuma LNG (ExxonMobil, ENI и CNPC) стоимостью \$30 млрд. Кабо-Дельгадо может стать местом одной из крупнейших корпоративных катастроф на континенте.

В ноябре 2022 года организация Justiça Ambiental провела в Мапуту встречу по проблеме корпоративной безнаказанности, в которой приняли участие более 100 представителей общественности Мозамбика. Во время встречи один из представителей общины очень экспрессивно заявил: “Для нас транснациональные корпорации принесли не развитие, а позор”. Замените слово “транснациональные корпорации” словом “колониализм”, и картина станет более полной. Другой делегат на встрече задался вопросом, можно ли назвать разрушение их земли развитием. Затем он риторически спросил: “Разве это то развитие, которого мы хотим?”.

Колониализм, будь он черным, синим или зеленым, никогда не советуется с народом. Это отсутствие консультаций порождается укоренившимся отсутствием уважения к людям и планете. Играя в колониальную игру, регионы, где оперирует нефтегазовая компания Total, страдают от социального неравенства и вызванного им разъединения, при котором единственным объединяющим фактором является то, что их называют районами, где действует корпорация Total. ■

Адрес для связи: [<home@homef.org>](mailto:home@homef.org)
Twitter: [@NnimmoB](https://twitter.com/NnimmoB)

> Манифест Народов Юга: в защиту экосоциального энергетического перехода*

Manifesto from the Peoples of the South: FOR AN ECOSOCIAL ENERGY TRANSITION

Ист.: Pacto Ecosocial e Intercultural del Sur.

Спустя более двух лет после начала пандемии COVID-19, а также в связи с катастрофическими последствиями вторжения России в Украину, наступил период “новой нормальности”. Этот новый глобальный статус-кво отражает обострение различных кризисов: социального, экономического, политического, экологического, медико-биологического и геополитического.

Приближается экологический коллапс. Повседневная жизнь становится все более милитаризованной. Доступ к качественной пище, чистой воде и недорогому медицинскому обслуживанию становится все более ограниченным. Все больше правительств становятся авторитарными. Богатые становятся еще богаче, власть имущие - еще могущественнее, а нерегулируемые технологии лишь ускоряют эти тенденции.

Двигатели этого несправедливого статус-кво - капитализм, патриархат, колониализм и различные формы фундаментализма - усугубляют неблагоприятную ситуацию. Поэтому мы должны немедленно приступить к разработке новых концепций экосоциального перехода и трансформации,

>>

которые будут гендерно справедливыми, регенеративными и демократическими.

> Наш диагноз

В этом *Манифесте народов Юга: в защиту экосоциального энергетического перехода* мы считаем, что проблемы Глобального Юга отличаются от проблем Глобального Севера и восходящих держав, таких как Китай. Дисбаланс сил между этими двумя регионами не только сохраняется из-за длительного колониального наследия, но и усугубляется действием неоколониальной энергетической модели. В условиях изменения климата, постоянно растущих потребностей в энергии и утраты биоразнообразия капиталистические центры усилили давление с целью добычи природных богатств и использования дешевой рабочей силы в странах периферии. При этом не только сохраняется хорошо известная парадигма добычи, но и растет экологический долг Севера перед Югом.

Новым является “переход к чистой энергетике” на Севере, который оказывает еще большее давление на Юг, заставляя его добывать кобальт и литий для производства высокотехнологичных аккумуляторов, бальзовую древесину для ветряных турбин, землю для больших солнечных батарей и новую инфраструктуру для водородных мегапроектов. Эта декарбонизация богатых стран, ориентированная на рынок и экспорт, зависит от новой фазы экологического опустошения Глобального Юга, которая затрагивает жизни миллионов женщин, мужчин и детей, не говоря уже о нечеловеческой жизни. Таким образом, Глобальный Юг вновь стал зоной жертвоприношения, корзиной якобы неисчерпаемых ресурсов для стран Глобального Севера.

Приоритетной задачей стран Глобального Севера стало обеспечение безопасности глобальных цепочек поставок, особенно критически важного сырья, и недопущение монополизации доступа к нему со стороны некоторых стран, например, Китая. Например, министры торговли стран “Большой семерки” недавно выступили за создание ответственной, устойчивой и прозрачной цепочки поставок важнейших минеральных ресурсов посредством международного сотрудничества, политики и финансирования, включая содействие торговле экологическими товарами и услугами через Всемирную Торговую Организацию. Глобальный Север настаивает на заключении большего количества торговых и инвестиционных соглашений с Глобальным Югом для удовлетворения своих потребностей в ресурсах, особенно тех, которые необходимы для “перехода к чистой энергии”. Эти соглашения, призванные снизить барьеры торговли и инвестиций, защищают и укрепляют власть и права корпораций, потенциально подвергая государства судебным искам в соответствии с механизмами урегулирования споров между инвесторами и государством (ISDS). Глобальный Север использует эти соглашения для контроля над “переходом к чистой энергетике” и создания нового колониализма.

При этом правительства стран Юга попали в долговую ловушку, занимая деньги для строительства промышленности и крупномасштабного сельского хозяйства, необходимых для снабжения Севера. Чтобы погасить эти долги, правительства

Юга вынуждены добывать все больше ресурсов, создавая порочный круг неравенства. Сегодня императив отказа от ископаемого топлива без существенного сокращения потребления на Севере только усиливает давление на добычу этих природных ресурсов на Юге. Более того, продвигаясь по пути энергетического перехода, Север лишь на словах признает свою ответственность за решение проблем исторического и растущего экологического долга перед Югом.

Незначительных изменений в энергетической матрице недостаточно. Необходимо преобразовать всю энергетическую систему - от производства и распределения до потребления и отходов. Недостаточно заменить автомобили с двигателями внутреннего сгорания электромобилями, необходимо изменить всю транспортную модель, сократив потребление энергии и внедрив устойчивые варианты. Отношения должны стать более справедливыми не только между центральными и периферийными странами, но и внутри стран, между элитами и населением. Коррупцированная элита Глобального Юга также участвует в создании этой несправедливой системы, получая прибыль от добычи, подавляя права человека и защиту окружающей среды, а также закрепляя экономическое неравенство. Решения этих взаимосвязанных кризисов не являются исключительно технологическими, они, прежде всего, носят политический характер.

> Справедливый социально-экологический переход в интересах Глобального Юга

Как активисты, интеллектуалы и организации из разных стран Глобального Юга, мы призываем инициаторов перемен во всех частях мира взять на себя обязательства по радикальному, демократическому, гендерно-справедливому, регенеративному и низовому экосоциальному переходу, который преобразует как энергетический сектор, так и промышленную и сельскохозяйственную сферы, зависящие от крупномасштабного энергопотребления. По мнению различных движений за климатическую справедливость, “переход неизбежен, а справедливость - нет”.

У нас еще есть время, чтобы начать справедливый и демократический переход. Мы можем отказаться от неолиберальной экономической системы в направлении, которое поддерживает жизнь, сочетает социальную и экологическую справедливость, объединяет эгалитарные и демократические ценности с устойчивой, целостной социальной политикой и восстанавливает экологический баланс, необходимый для здоровой планеты. Но для этого нам необходимо больше политического воображения и больше утопических представлений о другом обществе, социально справедливом и уважающем наш общий дом.

Энергетический переход должен быть частью всеобъемлющей концепции, которая устраняет радикальное неравенство в распределении энергетических ресурсов и способствует развитию энергетической демократии. В ней не должно быть акцента на крупномасштабные институты - корпоративное сельское хозяйство, огромные энергетические компании - и рыночные решения. Вместо этого необходимо укреплять жизнеспособность гражданского общества и социальных организаций.

>>

> Наши позиции

Таким образом, мы выдвигаем следующие восемь тезисов:

1. Мы предупреждаем, что энергетический переход, возглавляемый корпоративными мегапроектами Глобального Севера и принятый многочисленными правительствами стран Глобального Юга, приносит в жертву все больше территорий всего Глобального Юга, а также сохраняет колониальное наследие, патриархат и долговую яму. Энергия — это элементарное и неотъемлемое право человека, и нашей целью должны быть энергетическая демократия.
2. Мы призываем народы Глобального Юга отвергнуть ошибочные решения, которые сопровождаются новыми формами энергетического колониализма, теперь уже под названием “зеленый переход”. Мы обращаемся с конкретным призывом продолжать политическую координацию между народами Юга и одновременно создавать стратегические альянсы с важнейшими секторами Севера.
3. Для смягчения последствий климатического кризиса и продвижения справедливого и народного экосоциального перехода мы требуем погашения экологического долга. В условиях непропорционально высокой ответственности Глобального Севера за климатический кризис и экологический коллапс это означает эффективное внедрение системы компенсаций для Глобального Юга. Эта система должна включать в себя значительную передачу средств и соответствующих технологий, а также предусматривать списание суверенного долга стран Глобального Юга. Мы выступаем за возмещение убытков и ущерба, понесенных коренными народами, уязвимыми группами населения и местными общинами в результате добычи полезных ископаемых, строительства крупных плотин и реализации проектов “грязной” энергетики.
4. Мы отвергаем расширение границ углеводородных ресурсов в наших странах, осуществляемое с помощью гидроразрывов пласта и шельфовых проектов и выражаем несогласие с лицемерными рассуждениями Европейского Союза, который недавно объявил природный газ и ядерную энергию “чистыми источниками энергии”. Как уже было предложено в рамках Инициативы Ясуни в Эквадоре в 2007 г., поддержанной многими социальными акторами и организациями, мы выступаем за то, чтобы оставить ископаемое топливо под землей и создать социальные и трудовые условия, необходимые для отказа от экстрактивизма и перехода к будущему, в котором нем места использованию ископаемого топлива.
5. Мы также отвергаем “зеленый колониализм” в виде захвата земель для строительства солнечных и ветряных электростанций, неизбирательной добычи важнейших полезных ископаемых и

продвижения таких технологических “решений”, как голубой, зеленый и серый водород. Замкнутость, отчуждение, насилие, вторжение и укоренение характеризуют прошлые и нынешние отношения между Севером и Югом в области энергетики и неприемлемы в эпоху экосоциальных трансформаций.

6. Мы требуем реальной защиты защитников окружающей среды и прав человека, особенно коренных народов и женщин, которые находятся в авангарде сопротивления экстрактивизму.

7. Наши фундаментальные цели должны включать ликвидацию энергетической бедности в странах Глобального Юга - и частично Глобального Севера - путем реализации альтернативных, децентрализованных, справедливо распределенных проектов по использованию возобновляемых источников энергии, собственниками и операторами которых являются местные сообщества.

8. Мы осуждаем международные торговые соглашения, которые накладывают санкции на страны, желающие ограничить добычу ископаемого топлива. Мы должны положить конец торговым и инвестиционным соглашениям, контролируемым транснациональными корпорациями, которые, в конечном итоге, способствуют росту добычи и укрепляют неоколониализм.

Наша экосоциальная альтернатива основана на огромном опыте борьбы, стратегий, предложений и инициатив на уровне сообществ. Наш Манифест связан с жизненным опытом коренных народов, их критическими взглядами, а также с другими местными сообществами, женщинами и молодежью Глобального Юга. Он вдохновлен работой по защите прав природы, концепциями *buen vivir*, *vivir sabroso*, *sumac kawsay*, *ubuntu*, *swaraj*, *commons*, экономикой заботы, агроэкологии, продовольственного суверенитета, постэкстрактивизма, плюриверса, автономии и энергетического суверенитета. Прежде всего, мы призываем к радикальному, демократическому, народному, гендерно-справедливому, регенеративному и всеобъемлющему экосоциальному переходу.

Следуя инициативам, предлагаемым [Экосоциальным и межкультурным соглашением Юга](#), этот Манифест предлагает динамичную платформу, которая приглашает вас присоединиться к нашей общей борьбе за преобразования, помогая создавать коллективные видения и коллективные решения. ■

* Манифест Народов Юга — это коллективный труд, написанный активистами, интеллектуалами и организациями из разных стран Глобального Юга, и результат годового диалога между различными представителями Латинской Америки, Африки и Азии.

> Необходимость обновления теории власти (и авторитаризма)

Катя Арауго, Университет Сантьяго-де-Чили, член Исследовательского комитета МСА по социологической теории (ИК16)

Ист.: [Freepik](#).

Власть – и способы ее осуществления – проблема не только актуальная, но и насущная. В круг проблем, связанных с этим вопросом, входят самые разные явления – от общественной поддержки авторитарных режимов, трудностей, с которыми сталкиваются учителя в школе, проблем управления городским пространством, до напряженности в семье. Актуальность и риски социальных и политических явлений, которые мы наблюдаем сегодня, говорят о том, что социология должна более точно подходить к этой проблеме и использовать при этом соответствующий инструментарий. Однако социологических исследований, посвященных реализации власти, до сих пор было недостаточно, и, прежде всего, необходимо обновить понятие власти в теоретическом плане.

Вопрос о власти очень рано оказался в центре интереса социальной теории, и наиболее влиятельным автором в изучении этого феномена был Макс Вебер. Предложенное Вебером понимание, основанное на идее о том, что вера в легитимность поддерживает власть, до сих пор остается наиболее влиятельным в социальной теории и эмпирических исследованиях. Здесь я бы хотела обсудить, почему сохранять гегемонию этой концепции нецелесообразно. Во-первых, тезис о власти, опирающийся на легитимность, позволяет лишь частично отразить это явление в современных обществах. Во-вторых, это представление может объяснить лишь конкретную реализацию власти, характерную для определенных социальных реалий.

>>

Начнем с рассмотрения первой из этих двух причин: сферы применения тезиса о власти, опирающейся на легитимность, для изучения современных обществ. Как известно, Вебер считал, что в основе динамики власти лежит убеждение в ее легитимности, то есть вера в обоснованность командования или осуществления власти. Вера в легитимность позволяет осуществлять власть на основе консенсуса, что имеет принципиальное значение для понимания ее стабильности и постоянства. Вебер разработал понятие власти, рассматривая иерархии господства/подчинения как стабильные и относительно устойчивые во времени. Таким образом, его теория учитывает такой тип осуществления власти, который все еще имеет определенные основания и поддержку, основанную на институтах, традициях или общепринятых ценностях. Такой тип власти обладает следующими характеристиками: а) он связан с представлением об иерархиях как стабильных и устойчивых; б) власть основана на гармоническом соотношении *эго* с *подчинением*; в) подчинение основано на относительно стабильной картине распределения власти между группами (мужчины господствуют над женщинами, взрослые – над детьми и т.д.); г) оно осуществляется преимущественно в реляционной интерсубъективной манере; д) оно поддерживается посредническими ролями между членами сообщества и между членами сообщества и окружающим миром.

> Вызовы классической модели власти

Несколько трансформационных социальных процессов (потоков) бросили вызов такой модели реализации власти. Я кратко остановлюсь на пяти из них, которые оказали влияние на многие общества и на то, как люди представляют себе иерархию и власть.

Первый процесс связан с плюрализацией моральных порядков, убеждений и ценностей. Эта тенденция способствовала ослаблению типичной поддержки власти. Но она также разрушает теоретическое требование существования общих убеждений как опоры легитимности.

Второй процесс – постоянное расширение и углубление нормативных принципов равенства и автономии. Существенным следствием этих изменений стало сомнение в иерархии и условиях ее стабильности и прочности, которые принимаются веберовской трактовкой власти в качестве объясняющей посылки.

Третий тренд заключается в интенсификации процессов индивидуализации, связанных с усилением сопротивления подчинению чужой воле. Возникает явное противоречие между требованием подчеркнуть индивидуальность и ее единственность и необходимостью интерсубъективного послушания или подчинения. Таким образом, *эго-синтоническое* измерение, считающееся центральным в тезисе о легитимности, испытывает напряжение.

Четвертый процесс – это сдвиги в распределении власти между группами, которые ставят под вопрос традиционные способы структурирования иерархий и управления ими, например, патриархальную модель власти. Эти сдвиги породили более конфликтный и спорный сценарий, подрывающий поддержку стабильности иерархий.

Пятое измерение трансформаций связано с развитием технологий. Оно поставило под сомнение вес относительной власти, вводя новые принципы актуализации власти. Тем самым ставится под сомнение построенный на отношениях и выраженный интерсубъективный характер легитимной власти, предполагаемый веберовским тезисом. Эти процессы также ставят под сомнение посредническую роль таких авторитетов, как врачи или учителя.

Говоря кратко, эти новые течения ставят под сомнение категорию власти в том виде, в каком мы привыкли ее знать и представлять, но при этом они ставят под сомнение и конститутивные измерения понятия власти, представленные в тезисе легитимности.

> Переосмысление легитимной власти

Тезис о власти, утверждаемой с помощью легитимности, может быть поставлен под сомнение не только социально-историческими вызовами только что упомянутых процессов, но и с другой точки зрения. [Мое исследование](#) на примере Чили показывает, что не существует только одного способа осуществления власти. Различные модальности власти должны вписываться в объяснение, предлагаемое тезисом о легитимности.

Мои выводы показывают, что реализация власти в Чили исторически в меньшей степени основывалась на условиях консенсусного повиновения (в отличие от того, что предполагается веберовской моделью). В чилийском случае осуществление власти не связано с легитимацией, то есть с усилиями по укреплению убеждений в ее легитимности. Вместо этого существует стратегическое стремление добиться подчинения со стороны тех, кто ему противится. В этом случае власть поддерживается благодаря тому, что тот, кто ее осуществляет, доказывает свою способность или возможность заставить себе подчиняться. Тестом власти является ее поведенческий эффект.

В той мере, в какой достижение примиренного согласия мало кого волнует, повиновение часто не является основанным на гармонии с *эго*. Скорее, оно является результатом стратегических оценок, которые носят прагматический характер и основаны на интерактивных возможностях акторов. Это противоречит Веберу, для которого интерес никогда не мог быть основой легитимности и, следовательно, основой власти.

Такой исторический тип осуществления власти в Чили, как правило, порождает нестабильные и хрупкие властные отношения, которые, в свою очередь, требуют более жесткого использования так называемой “сильной власти”. Исполнение власти предполагает исполнение дискреционной и “сильной” власти, которая, как считается, является эффективной. Таким образом, вопреки веберовскому тезису о легитимности, направленному как раз на маскировку силы или могущества, подобная реализация власти заключается в демонстрации признаков силы того, кто его осуществляет, например, “сильная” речь, “резкие” жесты и т.п.

Эта историческая модальность исполнения власти исторически характерна для вертикально организованных

обществ с жесткой и натурализованной иерархией; в настоящее время она вступает в противоречие с новой ориентированной на диалог демократической нормативной моделью власти (которая также далека от модели власти, основанной на вере в легитимность). Тем не менее эта модель власти по-прежнему широко распространена в обществе, поскольку считается и сегодня незаменимой, и единственной, гарантирующей послушание.

Таким образом, проведенное мной исследование показывает, что в зависимости от социальных реалий существуют различные формы проявления власти, которые связаны с тем, как каждое общество решает проблему управления асимметрией власти между своими членами. Различные формы исполнения власти следует рассматривать не как отклонения от нормы, а как конкретные исторические решения, которые должны быть поняты в рамках структурных характеристик, динамики и социальной логики каждого общества.

> Интерактивный и ситуативный подход к исполнению власти

Обе линии аргументов, которые я развиваю, критикуя теории легитимации власти, исходят из необходимости обновления наших теоретических, а значит, концептуальных и методологических подходов. Одной из возможностей концептуального обновления является интерактивный и реляционный подход, [который я развиваю](#) в контексте ряда эмпирических исследований.

Во-первых, этот подход предлагает рассматривать власть как один из множества социальных механизмов (вежливость, цивилизную учтивость, социабельность и т.д.) управления взаимодействиями, определяющих социальную жизнь в обществах, конституируемых асимметрией могущества. Это позволяет отойти от ложной дихотомии власти в социальной теории как простого механизма интеграции или чистого инструмента господства.

Во-вторых, я предлагаю отказаться от тесной связи между понятиями иерархии и иерархического порядка и, соответственно, от представления об иерархиях как о прочных, постоянных и жестких. Это связано с тем, что такая

форма понимания препятствует осмыслению управления властными асимметриями в более мобильных обществах, с более трансверсальными цепочками распределения власти и более значительной сменой занимаемых властных мест. В противоположность этому мой подход предлагает исходить из концепции иерархий как мобильных структур, обладающих диффузными и преходящими границами.

В-третьих, предлагается снизить значение оснований власти и причин подчинения, а значит, и чисто репрезентативного измерения в изучении власти как объекта анализа. Мы живем в эпоху, когда объяснения, основанные на фундаментальных основаниях, и представления, основанные на нормативном консенсусе (например, теория легитимности, основанная на репрезентациях), показывают свои ограничения. Поэтому в рамках этого нового подхода аналитический акцент делается на исполнении власти. Анализ этого взаимодействия может дать исчерпывающие ключи к пониманию власти в обществах, характеризующихся переменчивостью, случайностью и плюрализмом.

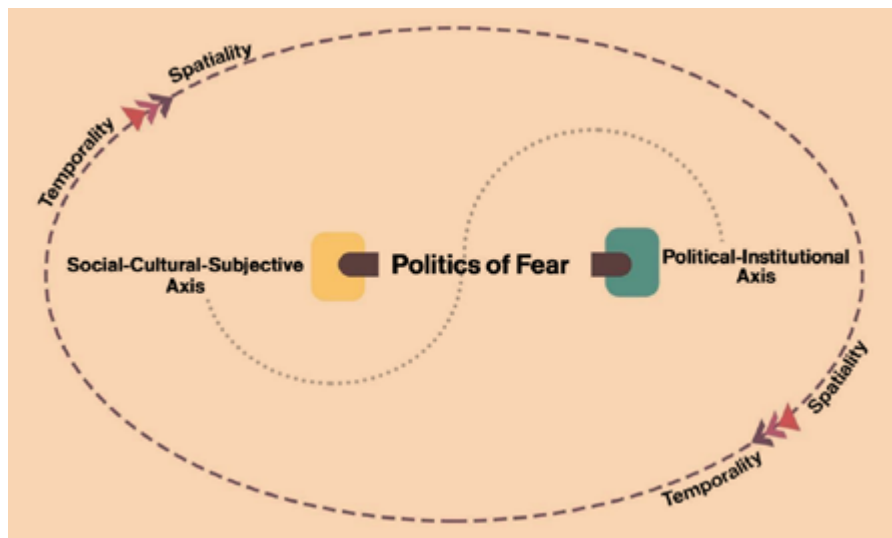
В-четвертых, власть перестает восприниматься как компактная однородность, что, как правило, вытекает из теории легитимности, во многом благодаря понятию “идеального типа”, использованному Вебером. Мой подход предполагает рассмотрение власти как реализации конкретного решения, найденного обществом, в соответствии с его структурными и историческими особенностями, к которому предъявляются различные требования в зависимости от исторического контекста, социальной сферы (семья, политика, работа или др.) и занимаемой социальной позиции.

Одним словом, нам крайне необходимо обновить инструментарий изучения власти. И в этом смысле, как показывают результаты моих эмпирических и теоретических исследований, нам необходимо перейти от подхода, основанного на “убеждениях в легитимности”, к интерактивному и ситуативному подходу к исполнению власти, способному учесть, как социальные акторы сегодня решают проблему управления асимметрией власти в различных обществах. ■

Адрес для связи: <kathya.araujo@usach.cl> / Twitter: [@AraujoKathya](https://twitter.com/AraujoKathya)

> Политика страха и авторитарное политическое воображение

Лара Сарторио Гонсалвес, IESP-UERJ, Государственный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Авторское изображение показывает, что очевидный оксюморон политики страха тесно вплетен в темпоральную и пространственную амальгаму, которая структурирует два других фундаментальных уровня ее проявления: политико-институциональный и субъективный социально-культурный уровни.

В последнее десятилетие одним из самых заметных слов стало слово “страх”. Здесь я имею в виду многомерность страха: перед городским насилием; перед насилием над нашим телом; перед государственным насилием; перед социальной несправедливостью; перед будущим; и даже экзистенциальный страх. Реактивность в сочетании с инстинктом выживания в условиях неизбежности глобального коллапса превратила страх в компас политического поведения и формирования социальных связей. То, что я называю “политикой страха”, включает в себя аспекты, выходящие за рамки ее недавнего появления (что, в частности, выразилось в глобальном подъеме ультраправых и используемой ими инструментализации страха). Комплексная перспектива предполагает, что мы наблюдаем не только деятельность ультраправых политических групп - как в случае с “болсонаризмом” в Бразилии, который я изучал, - но и общественные тенденции, которые способствуют авторитарному политическому воображению и социально-историческим и экзистенциальным основаниям страха.

> Между видимым и невидимым

Я опираюсь на подход, который не отвергает движение, складки и сплетения многогранных элементов, а исследует множественность того, что повторяется, переживается и накапливается не только на ментальном уровне, но и в мышцах, крови и импульсах: в фокусе моего внимания то, что я называю *практикой расщелин* (*practice of fissures*). Графически политика страха податлива на изменчивость. Разделения носят лишь дидактический и аналитический характер, а между элементами существуют пористость. Стоит отметить, что даже институты,

индивиду, коллективы и компании не являются сплоченными и однонаправленными акторами. Политика страха является конституирующим элементом современной политики и в более широком смысле означает совокупность механизмов, опосредующих превращение страха - как порожденного, так и мобилизованного - в стимул социальной сплоченности.

Всепроникающий страх — это политический аффект, который является динамичным вектором конституирования социальных связей и одновременно легитимирует социальное исключение и враждебность. Кажущийся оксюморон политики страха пронизывает временные и пространственные амальгамы. Политика страха вплетена в структуры памяти, в эстетику, архитектуру, военизированное городское планирование, инфраструктуру и ее социальные бездны, процессы оцифровки и ускорения времени, переживание границ и геолокацию колониального и городского насилия и сказывается в других аспектах социальной реальности.

Переживание страха различается в зависимости от геометрии власти, в первую очередь расовой, гендерной и классовой (составляющих матрицу страха и социальных врагов). Например, на территориях, где насилие в первую очередь исходит от государства и осуществляется через полицию, как, например, в бразильских фавелах, [страх перед людьми в военной форме значительно сильнее](#), чем в городе, где военные часто внушают чувство безопасности.

В расщелинах политики страха можно выделить две оси: политико-институциональную и социокультурно-субъективную. Первая связана с колониальными отношениями между

>>

государством и гражданским обществом (*civility*), основанными на бинарности “порядка/хаоса”. Она является центральной для представлений о монополии насилия и ответственности государства за социальную защиту; она лежит в основе логики приемлемости/легитимности власти; она представляет собой зеркальное отражение понятий морали и светскости, а также предпринимательства в политике. Тесно связанное с ним и находящееся в том же пространственно-временном потоке социокультурно-субъективное измерение состоит в когнитивных основаниях и политических последствиях утверждения определенной рациональности: логика опасной инаковости (порождающая потребность в защищающем государстве), связанная с политикой вражды и ожесточенной политической поляризацией; внедрение технологий слежки в процессы цифровизации и определенная готовность к ограничению свободы; эстетическое производство страха и образов насилия с высокой медиавоспроизводимостью.

Концептуальные очертания политики страха позволяют осмыслить подъем ультраправых и приверженность населения авторитаризму в комплексной перспективе. Этот подход рассматривает возникновение и сохранение ультраправых во временной перспективе, колебания в их радикализме и лояльности, и, соответственно, понимание последствий их выбора социально-политических ориентиров, не ограничивающихся неожиданными победами на выборах по всему миру. Осмысление того, как общественная жизнь и политический опыт порождают и мобилизуют аффекты, может послужить опорой для социальной сплоченности. Вдохновленная работой [Кати Араухо](#), я ранее определила фундаментальные социально-экзистенциальные основания, которые являются ключевыми для понимания привлекательности ультраправых идей в современную эпоху.

> Авторитарные социально-экзистенциальные основания

Взаимосвязь между властью и восприятием эффективности, закрепившаяся в коллективном воображении на территориях с колониальными государственными формациями, является основополагающей для ассимиляции авторитаризма. Существует историческая динамика криминализации инаковости, отраженная в расовом устройстве государства, использовании силы и насилия в качестве механизма территориального доминирования, а также в субъективных маркерах различия между колонизатором и колонизируемым. На примере Бразилии мы видим со всей очевидностью, что ее историческое становление демонстрирует конструирование такого понимания эффективности власти на основе подавления восстаний рабов. Признание того, что этот широко распространенный страх является основополагающим и поддерживает социальные отношения, позволяет нам думать о вариациях способов исполнения власти (авторитаризма), даже под прикрытием демократии. Совместимость авторитаризма с неолиберализмом свидетельствует, кроме того, о повсеместном распространении авторитарных практик, проявляющихся в самых разных сферах жизни - от интимно-личностной до более широких социальных отношений.

Роль страха в процессе конституирования образов себя и других, а также в динамике территориальности при формировании городских пространств, обосновывает идею,

первоначально сформулированную Владимиром Сафатлем, о том, что страх — это колонизаторский аффект, актуализирующий городскую сегрегацию. Территории представляют собой призму, через которую можно идентифицировать социальные механизмы. Существуют сильные взаимосвязи между страхом и пространственностью, включающей архитектуру, городское планирование, репрезентацию (и расположение) подчиненных групп как “носителей” угрозы и насилия. Некоторые из последствий такой организации пространства можно увидеть в городах, обнесенных стенами, в закрытых сообществах или в милитаризованном городском планировании. Само по себе существование метрополии не является невидимым: чтобы она проявилась, необходима колония, и именно с этой точки зрения процесс урбанизации понимается как география страха и криминализация опасной инаковости, определяемой на основе расизма.

Социология городов в странах мировой периферии предполагает экстраполяцию чувства незащищенности с помощью СМИ и через повседневные разговоры людей, а также реальное присутствие преступности. Следуя эстетике милитаризованного градостроительства, усиливаются заборы и стены, организующие город не только по соображениям безопасности и сегрегации, но и по эстетическим и статусным соображениям. Это заставляет нас задуматься о значении сохранения и углубления социального неравенства и медиатизированного городского насилия в закреплении социальных разрывов.

Другая важная привязка, оправдывающая манихейский фундамент добра (мы) и зла (они), касается отношений морали, религиозности и рациональности. Результат этих слияний — религии, государства и рациональности — касается не только характера норм и институтов; это элементы, вызывающие коллективные интерпелляции и производство общих чувств. В данный исторический момент, когда мы уже достаточно хорошо знакомы с позитивной коннотацией понятий “цивилизация” и “одомашнивание”, можно сказать, что женщины, колонизированное и поработенное население продолжают оставаться более непосредственными целями (“девиантами”) патриархата. Неудивительно, что реакция ультраправых характеризуется как маскулинизированная, белая, претендующая на гетеронормативную мужественность и милитаризованное насилие, отвергающая то, что они называют “гендерной идеологией”. Действительно, проникновение женщин из рамок домашнего пространства в публичные места вызывает экзистенциальный страх маскулинности.

> Авторитарное воображение и общественные тенденции

Кроме того, следует выделить три современные общественные тенденции, которые являются социально-экзистенциальными основаниями, способствующими росту авторитарного воображения: индивидуализация, оцифровка и чувство неотложности. В первом случае речь идет о современном субъекте, которого при встрече с чужаком обуревают чувство ужаса. Встреча с другим дестабилизирует порядок самости. Индивид живет в мире, который порождает чувство тревожности, и поэтому постоянно ищет искусственные средства защиты от другого, который воспринимается как незваный гость, как объявленная опасность. В этом смысле социальные связи

регулируются экономически структурированным страхом, при котором власть государства является гарантией того, что жизнь в обществе не сопряжена с угрозой уязвимости. Признаком индивидуализации в ее радикализованном выражении может служить “предпринимательство в отношении самого себя”.

Вторая тенденция - оцифровка - связана с растущей силой проникновения образов в современной социальной реальности, фундаментальной характеристикой которой является ускорение времени. Цифровизация поддерживает - и поддерживается - большим потоком информации, технологическим прогрессом, имеющим последствия для коммуникации и отношений, рассеянным вниманием в краткосрочной перспективе, вмещающим множество возможностей, и, таким образом, мгновенной силой образа. Образ обладает “символической действенностью”, то есть он уже несет в себе содержание и немедленно порождает смысл по отношению к сигнификаторам, составляющим воображаемое единство “я”. Центральная роль изображения, переплетаясь с оцифровкой общества, оказывает существенное влияние на сам язык и циркуляцию идей. Конкатенация образов, создающих авторитарный, расистский, маскулинный репертуар, различными способами интегрируется в воображаемое, которое утверждают и усиливают ультраправые.

Наконец, в условиях современного капитализма мы переживаем парадокс технологического развития и пропорционального ускорения времени, которое приводит к постоянному состоянию неотложности из-за нехватки времени. То, что, казалось бы, свидетельствует о невероятной экономии времени в связи с ростом скорости транспорта, коммуникации и особенно производства, обернулось его исчерпанием. Ускорение современности влечет за собой социальную десинхронизацию, когда человек постоянно воспринимает себя как опаздывающего и боится упустить возможности. Это ощущение опоздания способствует развитию двух стратегий, которые представляются

центральными для ультраправых. Первая — это представление о том, что все является “ультиматумом”: “мы должны действовать, и действовать надо сейчас”, времени на разработку будущего проекта нет. Второе указывает на устаревание институтов и их аппарата, которые оказываются медленными перед лицом стремительности текущих потребностей. Эти аспекты вытекают из описанной Хельмутом Розой динамики ускорения времени, которая влияет на коллективное и индивидуальное понимание пространства-времени. Если действия под влиянием чувства неотложности навязывается вопреки индивидуальным желаниям, через социальные структуры, то можно сказать, что они являются средствами агентности.

> **Заключительные замечания**

Страх порождает и формировал субъективность на протяжении всей истории человечества, воздействуя на дискурсивные матрицы (языки) в бессонной и подвижной связи с миром чувств и телесностью. Структурные и структурирующие элементы страха присутствуют в истории, постоянно перерождаются и реорганизуя межличностные отношения. Устройства и базовые основания политики страха мобилизуются для оправдания авторитарных практик, будь то на уровне межличностных отношений, в группах или на уровне отношений между обществом и государством. Дисперсность и многомерность страха поражают, обнаруживая социальный аспект, который трудно изолировать; существуют видимые и невидимые слои, которые связаны со страхом во взаимоподдерживающем движении. Углубление в исследование многообразных приспособлений страха как политического аффекта показывает, что они служат агентами стратегий господства и социального контроля, которые влияют на формы взаимодействия и конституирование субъектности. ■

Адрес для связи: <larasartorio@iesp.uerj.br>

> Борьба за воду

как сопротивление неолиберальному капитализму

Маделин Мур, Билефельдский университет, Германия

Плотина Варраганба. Ист.: iStock, zetter, 2022.

Когда я росла в Австралии во время Засухи Тысячелетия, вода - или ее отсутствие - была вездесущей. Теперь, когда большую часть последнего десятилетия я живу в Северной Европе, все более актуальные дискуссии об уменьшении запасов подземных вод, засухе и застойных реках кажутся мне до боли знакомыми. Для большей части людей в этой маленькой части земли вода, как правило, является чем-то само собой разумеющимся. Только когда воды нет, когда она перестает течь или когда она настолько загрязнена, что становится небезопасной, мы начинаем обращать внимание на многочисленные способы, которыми мы зависим от воды, и на то, как она смазывает глобальную политическую экономику. Вода, ее наличие или отсутствие, определяет не только то, как и где мы можем жить, но и то, кто выживет, то есть мы просто не можем без нее обойтись.

> Общее благо должно быть главным в любом решении

Такое отчужденное отношение к воде далеко не повсеместно: многие коренные народы воспринимают воду как жизнь, как часть нас самих, а значит, как то, что не может быть предметом торговли. Для более чем 2 млрд. человек, не имеющих доступа к чистой питьевой воде, и 25 процентов населения Земли, живущих в условиях дефицита воды, вода явно не является чем-то само собой разумеющимся. Активисты водного движения во всем мире объединились под общим лозунгом «Вода — это жизнь», требуя рассматривать воду как общее благо, имеющее ключевое значение для успешного преодоления продолжающегося экологического кризиса.

Несмотря на глобальный водный кризис, вода и связанные с ней услуги и инфраструктуры продолжают подвергаться

коммодификации, приватизации, коммерциализации и все больше финансируются. Эти процессы представляются как решения, а не причины кризиса. Например, итоги недавней Водной конференции ООН - первой за последние 50 лет конференции ООН, посвященной водным ресурсам, - содержали призывы к дальнейшей мобилизации частного сектора для восполнения дефицита финансирования. И хотя транснациональным корпорациям, водным компаниям и финансовым институтам было предложено взять на себя добровольные обязательства и принять участие в дискуссиях о том, как управление водными ресурсами может быть в дальнейшем интегрировано с зеленым (а теперь, возможно, и синим?) финансированием и корпоративной социальной ответственностью, многие водные активисты и НПО не были приглашены на этот форум.

> Жизнедеятельность против извлечения прибыли: сопротивление коммодификации

В моей недавно опубликованной книге [Water Struggles as Resistance to Neoliberal Capitalism: A Time of Reproductive Unrest](#) [Борьба за воду как сопротивление неолиберальному капитализму: время для репродуктивных волнений] я исследую глобальный водный кризис и то, как сообщества Австралии и Ирландии сопротивляются расширению границ товарного производства воды. Я использую инкорпорированное сравнение, в котором борьба за воду используется как средство, позволяющее придать целостность этой специфической конъюнктуре; конъюнктуре, отмеченной экономическим, экологическим и социально-репродуктивным кризисами, одним из аспектов которых является глобальный водный кризис.

Книга имеет два центральных сюжета. Во-первых, она фокусирует внимание на критической роли экспроприации (воды, природы и социального воспроизводства) в процессе капиталистического накопления. Второй фокус - формы агентности, возникающие в ответ на эту динамику. Обсуждая протесты против взимания платы за воду в Ирландии и сопротивление расширению добычи нетрадиционного газа в Австралии, я исследую напряженность между созданием жизни и созданием прибыли, которая определяет новые рубежи подхода к коммодификации воды.

Мой аргумент состоит в том, что каждый случай захвата водных ресурсов отражает разные, хотя и взаимосвязанные стороны системы, которая продолжает подрывать способности к жизнедеятельности. В обоих случаях водные ресурсы или вода как инфраструктура социального воспроизводства были переосмыслены как объекты накопления для разрешения кризисов накопления, возникших после финансовых кризисов

>>

2008-2010 гг. В Австралии природа использовалась как “кран и раковина”, а экономический рост зависел от ее постоянной экспроприации в виде ископаемого топлива, добычи полезных ископаемых и сельского хозяйства. В то же время в Ирландии государственные службы водоснабжения были подвергнуты реструктуризации с целью восстановления баланса государственных бюджетов после спасения банков. В результате от последствий этой реструктуризации пострадали представители рабочего класса.

> «Отраслевое решение» как неэффективное антикризисное управление

Однако ключевой аргумент книги состоит в том, что эти действия не разрешили потенциальные экономические кризисы. Скорее, экспроприация и переосмысление были перенесены на те условия, которые делают возможным капиталистическое накопление: на социальное воспроизводство, природу и государство. Взяв на вооружение концепцию *пространственного решения* Дэвида Харви и проинтерпретировав ее в терминах теории социального воспроизводства, я развиваю понятие *отраслевого решения*, чтобы показать, как кризисный менеджмент перемещает кризисы между отдельными сферами социальной жизни. В Ирландии экономический кризис был “разрешен” путем его трансформации в кризис социального воспроизводства рабочего класса. В Австралии потенциальный экономический кризис был предотвращен путем разжигания экологического кризиса за счет интенсификации добычи ископаемого топлива на экспорт и последующего истощения социальных репродуктивных возможностей сельских сообществ, зависящих от тех же водных ландшафтов. Таким образом, идея отраслевого исправления подчеркивает зависимость этих режимов накопления от экспроприации природы и социального репродуктивного труда, т.е. подчеркивает ключевую динамику глобального водного кризиса.

Однако в каждом случае, отдавая приоритет воспроизводству транснационального капитала, а не сельских и рабочих сообществ, политические институты, необходимые для накопления капитала, дестабилизируются. Явное совпадение политических и экономических интересов привело как к закрытию официальных политических возможностей для альтернатив, так и к росту несогласия среди тех, кто оказался невостребованным в рамках существующего статус-кво. Экономические кризисы стали принимать форму политических кризисов. В процессе борьбы возникали подрывные рациональные идеи, несовместимые с тем, что происходило раньше; политический рельеф менялся по мере того, как сообщества становились политизированными в результате борьбы.

> Два примера усиления социальной борьбы и классового антагонизма

В Австралии, переопределяя воду как коллективную собственность, а не как форму частной собственности, сельские сообщества боролись с отчужденным пониманием общества и природы, которое было центральным в колониальной экспансии фронта белой коммодификации в Австралии. Понимание воды и сообщества как взаимно

конституирующих факторов привело к необходимости отделить вопросы владения землей от проблематики частной собственности, поставив вопрос о лишении собственности и проблематизировав *terra nullius*. Логика этих движений не согласовывалась с доминирующей логикой государства и рынка, и приводила к классовому антагонизму по экологическому признаку. Вода стала пониматься как констелляция оспариваемых социальных отношений, а классовое положение людей определялось их отношением к этим процессам экспроприации, а не положением в системе социальных страт.

В Ирландии внимание к воде как инфраструктуре социального воспроизводства быстро переросло в более широкую критику государства и связанных с ним институтов, особенно представительной демократии. Вода как инфраструктура социального воспроизводства и связанная с ней инфраструктура понималась как общее, коллективное право, которое не должно быть объектом капиталистического накопления. Однако в ходе выдвижения этих требований в фокус внимания попала ограниченность возможностей и заинтересованности государства в обеспечении этого коллективного права: материальные ограничения государства означали, что даже если такие права, как право на воду, были прописаны на бумаге, они не могли быть реализованы. Ирландское государство и его встроенность в контуры глобального финансового капитала означают, что оно будет оставаться антагонистом на пути реализации интересов рабочего класса.

> Пространство для подрывной рациональности: репродуктивные волнения

В процессе любой социальной борьбы возникали не просто временные союзы: сходное отношение к экспроприации позволяло проявлять солидарность как между сообществами, так и внутри них. Как ирландское, так и австралийское сообщества продемонстрировали ключевое противоречие неолиберального капитализма: растущую несовместимость условий, необходимых для получения прибыли, и условий, необходимых для жизни. Инструменты экосоциалистической теории и теории социального воспроизводства позволили осмыслить арену классовой борьбы, включая в нее домохозяйства, природу и окружающую среду.

Локализуя эту борьбу в рамках глобального водного кризиса и начиная анализ с точек противоречия, я утверждаю, что борьба за воду прерывает процессы капиталистического воспроизводства и открывает пространство для подрывных рациональностей. В Австралии и Ирландии наступило время репродуктивных волнений. Как я показываю на протяжении всей книги, глобальный водный кризис связан не только с доступом к ресурсам или управлением ими. Речь также идет о социальных отношениях и институтах, которые позволяют захватывать воду и провоцировать кризисы. ■

Адрес для связи: madelaine.moore@uni-bielefeld.de

